

Анонс: журнальный отзыв, отрывки и оглавление.

ББК 87.3

Б

Леонард И. Браев. Ворота философии. – 447 с.
Изд. 1-е. МарПИК, 2004. Изд. 2-е, испр. и доп., 2013
ISBN-5-87898-253-6

Новая **нецеситная** **колейная** теория человеческого **сознание** и **подсознания**.

На ее основе – критика **философии, науки и мифои-да**, мистического и социального – как явлений культуры и их отношения к ценности, искусству, религии, морали и политике.

© Анна Селивановская

О книге **Леонарда И. Браева**
«Ворота философии»*

Журнал **“Здравый смысл”**,
Московский государственный университет,
январь-март 2011, № 1 (58), с. 69 -70.

Этот отзыв пишет не философ, а обычный читатель, детский врач, психоневролог. Пишу вообще-то с простой целью – выразить автору свою огромную благодарность за его книгу **"Ворота философии"**. Я нисколько не преувеличу, если скажу, что это одна из

* **Браев Л. И. Ворота философии.** – Йошкар-Ола, МарПИК. 2004. – 256 с.

моих самых любимых и практически используемых книг, хотя тружусь я совершенно не в гуманитарной и не в педагогической области.

Читаешь его мысли, изложенные в не свойственных тебе словах и фразах, – и, тем не менее, понимаешь, что это – о тебе. Иносказание. Автор ведёт нас в проблематику философии настолько легко и честно, что с первых страниц возникает странное ощущение – читаешь о себе самом, о *своих* раздумьях. Хотя как философ он оперирует огромными массивами абстрактной информации и требует для понимания личного жизненного опыта, но его удивительно узнаваемые вопросы и мысли, возникающие ежедневно в голове обычного человека, рассматриваются в особом ключе, проясняющем и систематизирующем, и несут оригинальность и новизну.

Он не низводит философию до простого обыденного мышления, но, напротив, поднимает любого желающего и думающего человека до высот философского мира, позволяя его обзреть и хотя бы немного уяснить. И тут чувствуешь, как верно его сравнение философии с поэзией: «... когда человек охвачен вопросами о самых началах мира и жизни, он застывает наедине с собой, в отрешённости от суеты, как говорят, житейской текучки, её угождений и отвержений, объятый думой иной, не о своих делах, в состоянии, родственном поэзии».

И обдумывая предлагаемые автором варианты, словно тестируешь себя, свои собственные мысли и

ценности, пытаюсь самостоятельно понять – что и когда важно для конкретного человека в конкретной ситуации.

Идеи этой книги поразительно свежи и мне чрезвычайно близки, выстраданы мной в ежедневном труде, но сформулированы так необыкновенно точно и красиво, что для защиты своей точки зрения мне приходится их цитировать.

Особенно заинтересовала меня его оригинальная теория *колейнов* и досознательного знания, важная мне по специальности. В отличие от генетических программ Войта и Бельтюкова, его *колейны* не только врожденны, а создаются практикой, в конечном счете, даже те, что ныне являются врожденными. Да и вообще всё, что Л.И. Браев пишет о сознании и подсознании, понимании и мышлении, крайне ценно для психологии, физиологии и прочих наших медицинских наук.

Не думаю льстить, но я немного знаю людей, способных так свободно и глубоко рассматривать самые разные области – от физики до нейрофизиологии. Притом отличающие его простота и юмор очень располагают к нему и в моих глазах является элементарными признаками огромного таланта.

Увлекательна его нецеситная теория – теория *необходимости* как объективных отношений, определяющих наши идеалы, оценки и все ценности, объективность добра и зла и решение вопроса о смысле жизни.

До недавнего времени я была заведующей консультативно-диагностической поликлиникой Ижевска, а до того мне довелось работать также в реабилитации с алкоголиками и наркоманами. Так я остро ощутила нехватку систематизирующих идей, какие, мне кажется, должны быть в философии. В настоящее время в медицине назрела гигантская потребность в системном подходе к человеку и его психике. Этот разрыв между потребностями больного, да и любого человека, и тем, что мы, врачи, можем ему предложить, отражается крайне негативно и на нас, тех, от кого ждут помощи, и на тех, кто в этой помощи нуждается. Думаю, и на всём обществе в целом.

Когда, едва купив книгу, увлеченная, я проглотила её первые главы, я стала смотреть, кто же отваживается на такие издания, у нас все-таки рискованные для прибыли, я испытала двойственное чувство: благодарности к просвещенным спонсорам и грусти, что общество недооценивает роль философии и так мало ею занимается. Простите за дилетантский подход, но, честно говоря, мне кажется, что только философия способна хорошо объяснить и осветить нашу нынешнюю действительность.

Эта боль у меня каждый день. Возможно, пишу сумбурно. Сейчас занята на трёх работах, прихожу поздно, но, честное слово, когда очень устаю или чувствую эмоциональную тягость, беру эту книгу и поднимаюсь над всем этим. Не знаю, как бы иначе переключала мозги от пациентов и всего прочего.

Не могу не согласиться с автором, когда он называет философию освободителем, показывая, что приобщение к философской культуре награждает нас способностью критически относиться к любой новой информации, мыслить самостоятельно и жить согласно своим убеждениям. «Выявляя и анализируя начала нашего миропонимания, философия тем самым несёт нам свободу и мужество: «...кто не пережил хотя бы моменты философской отрешённости и самопогруженности, тот не может быть духовно, а потому и реально свободным человеком в европейском смысле». Повышение уровня философской культуры, несомненно, является необходимым условием для формирования либерального сознания и профилактики развития тоталитарных режимов.

Как-то в прошлом году мне надо было придумать подарок одному хорошему человеку. Мы с ним познакомились на совместных научных конференциях, много общались и там, и потом в Инете (Он живёт очень далеко). Он из тех, у кого много денег, всё есть и кому поэтому подарок найти трудно. Я ему и раньше много говорила и писала о Л. Браеве и его книге, и в подарок сделала для него индивидуальный календарь – выдержки из этой книги – целыми страницами, и рядом – Эрих Фромм, Бахтин, Фрейд, Шопенгауэр, Лосев, Салтыков-Щедрин и т. д. Надеюсь, за такую компанию автор не в обиде.

Конечно, как обычно бывает, я не во всем согласна с автором. Как я поняла, он атеист, я же, на-

против, человек верующий, хотя в церкви среди прихожан, кстати, – тоже белая ворона: не понимаю массового мышления. Я – протестант, и моим самым любимым и самым красивым предметом в жизни считаю экзегетику.

Поэтому меня особо заботило его решение о связи философии и религии.

Оказалось, здесь не только дано общее и довольно чёткое различие философии и религии, как науки и мифологической мистики, основанной на догматизме, но также и демаркация идеизма (идеализма) и религии. Притом автор рассматривает эту тему деликатно и непредвзято, так что человеку верующему систематизация его собственного миропонимания только проясняет его веру, если он не пытается верить силой доказательств с использованием *научных методов*. В то же время, нельзя не согласиться с автором, показывающим некорректность рассмотрения религии, как «наукообразного идеизма». Не разделяя притязаний теологии и религии на научность, Л.И. Браев, тем не менее, с его толерантностью к инакомыслию не унижает эти мистические течения, а просто показывает их место в человеческой деятельности. Не менее беспристрастен и его исторический обзор атеизма.

Вот почему, несмотря на все “идейные разногласия”, я должна признать, что если для меня первая книга в жизни – Библия, то вторая, вероятнее, – “Ворота философии”. Лично для меня она является ог-

ромным приобретением и обогащением. А её главы о духовной и бытийной антиномии, начиная со стр. 143 [с § 9.5-9.8], по-моему, должны быть непременно знакомы всякому, кто берется судить о духовных вопросах. Без того глубокого анализа, который проведен в "Воротах", все рассуждения на эти темы поверхностны и мало чего стоят.

По-моему, эта книга является не только воротами к философии, но и воротами к внутреннему миру самого читателя и его взаимодействию с этим миром.

Жаль, что книги Л.И.Браева среди моих, например, знакомых известны не так широко, как должны бы.

Ещё раз спасибо. Лично мне его книга помогает и в работе, и в жизни.

А. С. Селивановская

Фрагмент 1:

Предисловие

Я хотел бы обратить внимание: настоящая книга – не столько философия, сколько о философии.

Моя цель здесь – понять это странное и тревожное явление философии и ее отношение к нашей

жизни, науке, искусству, морали, религии, политике, а уж в связи с этим – предложить также ознакомление с ее идеями и резонами, структурой, типологией и функцией, с самой «технологией» философствования, хотя и без вульгарных упрощений, но и без претензий объять необъятное. И все же позволяющее преодолеть бытующее предубеждение к ней и, чтобы, забыв хотя бы на время о сиюминутных утилитарных заботах, вступить в ее прекрасные и жуткие дебри.

Оказывается, здесь нам открывается самое важное для всякого: что такое есть Я и что такое другие люди, что такое наш ум и наша глупость, наша свобода и неволя, наша наука и религия, наше добро и зло, наша совесть и политика, почему мы именно такие, так чувствуем, так понимаем и так живем, – ради чего собственно и к какому идём будущему.

Вижу, я не избежал критической новизны в освещении философских головоломок, – даже несмотря на то, что хотел бы по возможности не углубляться здесь в их анализ и уклониться от изложения собственных проектов их решения, стараясь давать не готовые ответы, а предоставлять читателю материал для возможности выбирать и думать *самому*, чтобы разбудить его собственное философское беспокойство и задумчивость.

Исключение составляет то, на чем собственно сфокусирована книга, – *философия философии*, критика и конструирование понимания ее самой как духовного феномена человеческой культуры и истории,

а также, пусть в общем абрисе, – проблем *познания* и *ценностей* (Гл. 2, 5, 11-12), поскольку без какого-то понятия о них невозможно сколько-нибудь основательное суждение и о философии.

Думается, для введения-путеводителя этого достаточно.

Надеюсь, эта *метафилософия* и поднятые в ней вопросы и обсуждаемые идеи будут интересны многим – от смышленного старшеклассника и студента до профессионала, – всякому человеку, хотя бы иногда всерьёз думающему о себе и мире.

• • • • •

Фрагмент 2:

Глава 1. Улавливание философии

1.1. О чем философия?

Чтобы сконструировать машину, нужен инженер; чтобы вылечить больного – врач; чтобы выиграть дело в суде – юрист. А для чего нужен философ? Что такое философия? Каждый знает, чем занимается инженер или торговец; но кто ответит, чем занимается философия? Попав в одну компанию с философом, о чем с ним говорить?

Чтобы как-то с'ориентироваться, давайте для начала просто заглянем, пусть мельком, в философию: о чем, собственно, она толкует? Оказывается, в ней обсуждаются странные и тревожные вопросы.

Блаженствуя в тени листвы, мы любимся, как над головою, просвечивая в солнце, мерцает зелень; однако физика учит, что в реальности свет – это электромагнитные волны. Но ведь нашим глазам никаких волн здесь не видно, а физика подразумевает, что волны являются причиной наших ощущений света и его сущностью.

Откуда это отличие *видимости* и *реальности*? Что такое реальность? (Или бытие, на самом деле, в действительности, сущность и как там еще это не именуют). Да и существует ли она?

Как мы можем знать невидимое? Откуда наши знания? На чем основаны?

Если и восприятие, и мысли обманчивы, то откуда вы знаете, что вещи существуют и именно таковы, какими вы их знаете? Может быть, мира вообще нет? А есть только наше сознание.

Или он совсем не похож на то, каким вы его мыслите, а наше понимание его есть наше создание? Ведь столько раз взгляды людей на мир в корне менялись. Что мы имеем в виду, говоря истина и заблуждение? Как их различить? В чем мы можем быть уверены?

Однако на каком основании отрицать существование мира за пеленой восприятия, как говорят, вещи самой по себе («вещи-в-себе»)?

В иллюзорности какого-то образа мы убеждаемся, сравнивая его с другими своими наблюдениями, а тут с чем сравнивать, если оно объявлено *непознаваемым*? Не с чем. Выходит, идея непознаваемого вообще непроверяема – по его определению?

Но и признать существование того, что недоступно восприятию – на каком основании? Приняв такой принцип, нам придется согласиться с любыми химерами.

Этот скептицизм ведет к беспокойному вопросу:

– А существуют ли другие сознания, – в чужих головах? Ведь напрямую нашему наблюдению доступны только эти головы, тела и их действия: шаги, взмахи, речь и т.д., но не их переживания и мысли, – «внутренний мир». Вы видите лист зеленым, но откуда вы знаете, что ощущение зеленого у соседа такое же, как у вас? А что если окружающие люди только внешне выглядят обладающими сознанием, как и вы?

Или, наоборот, сознание есть и у рыб, и деревьев? Может быть, им больно? Может быть, оно есть даже у камней и звезд? Но они не подают или не могут подать вида? Возможно, весь мир одушевлен? Над всем царит какой-то мировой разум? Или Бог? Почему нет? Неужели в основе мира лежит то, что как будто бы является самым знакомым нам, – наши мысли?

Однако если взглядеться, это самое знакомое оказывается не менее загадочным.

Что такое *сознание*?

Непосредственно данная нам субстанция сознания – субъективные образы (ощущения, восприятия, понятия и т.д.), следующие законам психологии и логики, но в нервах и мозге наука наблюдает только ионные потоки, следующие законам физики, химии и физиологии, но ни в один микроскоп не видны никакие образы. Почему же сознание столь радикально отлично от нейрофизиологической плоти? Каково отношение между ними?

Однако сознание отлично также и от окружающих объектов: вещи обладают физическими, химическими и

другими свойствами, размерами, геометрическими формами, а психические образы не имеют ни цвета, ни запаха, ни тяжести, ни плотности, ни веса, ни пространственных размеров, ни геометрических форм. В самом деле, каких размеров образ, например, дерева? Как он умещается в голове? Или образы вообще внепространственны? И неделимы?

Но почему эти свои образы, радикально отличные от объектов, субъективно мы воспринимаем вовсе не как образы, а как сами объекты, не отличные от них?

Но, может быть, такое отличие не случайно и сознание вообще является особой субстанцией, противостоящей материи? То, что обыденно называют «душой»? И может быть, она нетленна - бессмертна? – как считают религии и не только. Во всяком случае, за эти удивительные отличия сознания от материи – как нашего организма, так и окружающего мира – философы его величают “идеальным”, – и объяснение этой его идеальности и отношения с материей составляет один из центральных предметов их анализа.

Если наши *идеи* есть только образы окружающих вещей, порождения материи, то как же они могут править вещами? Если же вы допустите, что вселенная является воплощением мирового разума, то должно быть наоборот: сначала вещи есть копии идеи. Как разрешить это противостояние?

Люди обычно считают вещи реальными; но тогда реальны ли их образы – идеи, понятия о вещах? Если идея коровы есть ее копия или, наоборот, корова есть копия своей идеи, то почему же эта идея не мычит и не даёт молока? Получается, отличие идей от вещей заключается в отсутствии у идей *действия*. Недействие означает нереальность.

Но если понятия неспособны к действию ни друг на друга, ни на вещи, ни на нас, то реальны ли они? Выходит, нереальны. Однако тогда как объяснить следование из наших мыслей наших поступков, телодвижений? Подумали «Сейчас подниму руку» – и рука поднимается.

Как бездейственные мысли могут быть причиной наших движений? Или все-таки на нас идеи действуют? Но почему мы такое исключение среди вещей? Или вообще не исключения, все же мировые идеи правят также и вещами?

Нам кажется, что нашу руку приводит в движение наша «воля»? Но, может быть, это иллюзия, возникающая потому, что мы не думаем о процессах в нейронах мозга, которые и есть настоящая причина движения руки, подобно тому, как не шофер движет автомобиль, а его мотор.

Но тогда получается, что «воля», то есть психическое, тождественно физиологическому. Почему же ни в один микроскоп в мозге не наблюдаемы образы-идеи? Каково отношение духа и тела?

Давно и всеми замечена связь тела и сознания: закрыли глаза, а душа не видит; укололи руку – душе больно; коснулся нейрохирург оголённого мозга – в нем вспыхивают зрительные образы.

Не свидетельствует ли это, что никакой «души» нет, а есть лишь сложные физические системы, комбинации атомов, молекул, клеток и их движение (хотя какие именно физические процессы создают переживания, пока науке неизвестно), а понятие «души», психики и т.п. – ненаучная выдумка, фикция? – Таково убеждение многих материалистов, в частности, “физикалистов”, прозванных так за сведение всего мира к физике

Или течение ментальных и физических процессов всего лишь параллельно? – как находятся дуалисты.

Вы в затруднении: идти ли на договорную встречу или переждать дождь? Промокнув, досадуете: «А ведь мог бы предпочесть подождать». Но правда ли это? Есть ли «*свобода воли*»? По убеждению детерминизма, у всего на свете есть причина; почему же не у желаний и решений?

Но если свободы воли нет, если люди обречены на поступки, то какой смысл хвалить их за добрые дела и бранить за дурные? За что же тогда судить вора? Если наши мысли и поступки предопределены и мы не можем их не совершить, то мы рабы судьбы и ответственность обесмыслена.

А как в соединении людей, в обществе, подчиняется ли его развитие каким-то объективным законам? Или история – полный произвол желаний и мнений?

Если у всего есть причины, то возможна ли для человека *свобода*? Если да, то как? Что такое свобода? Благо ли для человека свобода или в ней его несчастье?

Для свободы действия у вещей должна быть возможность изменяться – быть и не быть или быть такой и не такой. Что же такое *возможность*? Все вещи изменяются; означает ли это, что они пребывают во внутреннем *противоречии* самим себе: они те и не те? – излюбленное убеждение всех негативистов. Но почему же тогда логика запрещает противоречия мыслей?

И, вообще, что такое *бытие*? Почему мир существует именно таким? Мог ли он быть иным? Или не быть вовсе? Как это доказать? Или это не требует объяснения? Но почему?

Что такое небытие? *Ничто*? Небытие всего? Было ли начало мира или он вечен?

Что такое *смерть*? Полное уничтожение? Но как это представить, собственное небытие, «ничто»? Как при потере сознания или глубоком сне? Или это непредставимо, как картина ничего?

Если наше *сознание* – особый образ движения живущей материи, то с распадом этой живущей сцепки атомов исчезает и сообразный рисунок их движения, – и тогда смерть – просто исчезновение. И как иначе? Когда летящий в воздухе мыльный шар лопается, где остаться игравшему на нем радужному рисунку?

Но если дуализм прав, если душа независима от тела, то она должна жить и после распада тела, самостоятельно, отдельно от него, быть «бессмертной».

Но где тогда душа окажется? В другом человеке? В черве? В раю? В аду? Почему? В награду или в наказание? Тогда ее посмертное будущее, зловещее или счастливое, должно тревожить надеждой или ужасом.

Или эти мистические беспокойства напрасны и остаются просто сожаления об исчезновении того хорошего, что было в жизни: творчества, любви, музыки, мысли, дружбы, красоты...

Если бытие вечно, то значит, оно не возникло. Но тогда может ли оно исчезать? То есть переходить в ничто, небытие? Уменьшиться или увеличиться? Как? На метр? На грамм? Все сразу?

Или исчезновения нет, а есть только превращения?

Но как вещь может превращаться – в совершенно иную? Конечно, явления абсолютно точно не повторяются, всегда в чем-то отличаются, но тогда откуда «подлинно», небывало *новое* (творчество мира, новизна в нем, «эмержентное»)?

Для атомизма новые вещи есть лишь перекомбинации тех же элементов, а первичное бытие неизменно. Однако тогда откуда отличие свойств целого от

элементов, сама новизна целого? Как могут сохраняться элементы, но исчезать их свойства? Как причина (действие) может иметь следствие, то есть отличное от себя?

Как соотносятся многое и одно? Или все многообразие мира имеет одну единую первооснову, слитную (“континуумную”) *субстанцию*, в которой есть разрывы, но нет абсолютной обособленности, но всегда есть связи?

Какова эта субстанция – духовная или материальная?

Но и та, и другая абсолютная связность монизма означает, что в мире невозможны *случайности*, небывало новое и свобода для нашей воли и действия, зато человек фатально обречен *судьбе*.

Или субстанция – смутное и пустое слово, а существуют лишь совокупности отдельных вещей и идей; мир разделен на множества частиц, дискретен? – взгляд, доминирующий в современном естествознании. Может быть, мир – хаос, а его природные законы – просто сосуществования и последовательности, и эта мировая изоляция, бессвязность, беззаконовость – источник *нерационального* в нем и человеческой разобщенности, зато гарант наших разных возможностей и свободы? Или есть как разрывы, так и связи, но разных степеней (градаций) и видов? Каких же?

Существует ли в мире какое-либо направление его изменений – *развитие*? Как его определить? По его концу? Но будет ли окончательный конец мира или мир бесконечен? Как нам это может быть известно? Было ли его начало? Погибнет ли человеческая цивилизация?

Но, пожалуй, довольно. Остановимся.

Этот легкий пунктирный набросок некоторых вопросов, обсуждаемых в философии, сделан, естествен-

но, без углубления в их анализ, а просто, чтобы дать о них какое-то первоначальное представление.

1.2. Загадочность философии

Чем же являются подобные размышления?

Каких только нет трактовок философии. Одни говорят, философия – это миф, своего рода религия, другие, наоборот, философия – строгая наука, третьи – что это анализ понятий или языка, прояснение смысла слов, другие – что философия – публицистическая эссеистика, вроде художественной литературы.

.....

Фрагмент 3:

5. Как мы осознаем

- Откуда в нас *досознательное* знание?
- Почему в предубеждении мы *не* видим того, что есть, но *видим то, чего нет*?
- *Что* для нас *понятно* и убедительно, а что – абсурдно и возмутительно?
- Где *дно* человеческого понимания?
- Является ли сознание отражением?

Мы познакомились, пусть в общих чертах, с современным состоянием проблематики статуса философии в человеческом сознании и в обществе; это знакомство – условие какого-то их решения и позволяет мне набросать изложение своего видения человеческого осознания мира, а, исходя из него, – и роли в нем философии.

5.1. Становление восприятия

Как происходит восприятие, подсказывают данные современной нейрофизиологии.

Ныне установлено, что клетки рецепторов в органах чувств и детекторных нейронах мозга в итоге эволюции специализированы на возбуждении (реакции) исключительно от предопределенных внешних воздействий (импульсов): не только зрительные – от световых, слуховые – от звуковых, осязательные – от механических воздействий и т.д., но и *внутри* них, – внутри глаза, уха и т.д. и в связанных в ними нейронах, – сложилось подетальное приспособление клеток к реакции только на свои *элементарные импульсы*: одни рецепторы и нейроны реагируют исключительно на тень, другие – на свет, одни – на их яркость, другие – на цвет, третьи – на границы между ними, одни – на линии вертикальные, другие – на наклонные, третьи – на их движение и т.д.

Что это значит?

Это значит, что чувственное расчленение – *анализ* воздействий вещей производится всей нервной системой, а одновременное возбуждение какого-то сочетания детекторных нейронов и дает сложение – *синтез* элементарных черт в сложный сенсорный образ.

Конечно, эти элементарные пробуждения нейронов отличны от вещей, как по своему субстрату, так и по

свойствам и движению, стало быть, это никак не образы.

Но они возникают под их действием как их результаты и потому различаются между собой соответственно различию между своими возбудителями, поэтому они являются их сенсорными представителями (*репрезентантами*), подобно знакам (но не знаками), а комбинации репрезентантов переходят в *образы* объектов, так, как отношения между ними подобны отношениям между возбуждающими их чертами объектов.

5.2. Досознательное знание

Нейрофизиологический анализ и синтез внешних воздействий служит врожденной структурной базой будущего восприятия. Но именно будущего, потому что эта форма превращается в настоящее восприятие вещей лишь после того, как получает содержание в результате предшествующего материального взаимодействия человека с вещами.

Это содержание, – предполагаю, – воплощается в подсознательных впечатлениях (энграммах), структурах синапсных, дендритных и невроглейных связей, каких-то изменений, следов, остающихся между нейронами после их одновременного возбуждения. Я называю такие сети связей колейнами, потому что при последующем возбуждении извне некоторых из них по этим следам, как по торной *колее*, возбуждение распространяется и на остальные нейроны, связанные вместе прежним опытом.

Так как структура колейнов воспроизводит поразительную ее структуру нейронов, которые были совместно возбуждены при прежнем опыте, то колейн называется **подсознательным образом** объектов.

Вот эти-то колеины, – думаю, – и есть наша *память*, способность сохранять и воспроизводить прошлые образы, а активация нейронов колеина является *воспоминанием*.

Хотя, конечно, среди колеинов есть не только приобретенные в собственном опыте – ассоциации и рефлексы, но и врожденные колеины, каковы врожденные рефлексы («безусловные») и их системы – инстинкты.

Таким образом, фундаментальные биологические инстинкты и нейрофизиологические механизмы восприятия и памяти, и впрямь (4.5), выработаны биологической эволюцией, в естественном отборе и приспособлении к среде, являются врожденными, *доопытными* для индивида, хотя апостериорными для рода.

Так или иначе, в колеинах восприятие опирается на прежний опыт – как наш личный, так и миллиардов наших предков, чей филогенез запечатлен в специализации органов чувств и детекторных нейронов мозга.

Но собственно человеческое знание, его категории и структуры, воплощенные в колеины подсознания, проторяются в личном опыте человека, во всей практике: и в производстве, и в общественной жизни, и в искусстве, и в науке.

5.3. Подсознательные понятия и узнавания

Колейное *подсознательное предзнание* как раз и претворяет в себе понятия и обеспечивает восприятие, воображение и мышление, давая – мне думается, – объяснение их *механизма* и происхождения (4.5-4.6) и разрешение противоречий в них единичного и общего (4.4) и прочих диговин (4.7).

Колейны не только схематичны как обобщения – сохранения тождественного в опыте, но и соединяют в себе разные *варианты* возможных видов и обликов однотипных вещей, а соединение разных вариантов схем объекта создается единством нашего практического взаимодействия с объектом, каким бы видом и обликом он к нам ни поворачивался.

В этом свете становится ясно, что *понятие* вовсе никакое не представление, а *подсознательный колейный образ*, концепт, с зыбкими и блуждающими контурами, пересекающимися и сочленяемыми со многими другими соседними концептами, система расчлененных и сцепленных друг с другом эскизов, обобщенных реляционных разреженных *схем вариантов* – видов и обликов, подобных друг другу (однотипных) объектов и их устойчивых отношений, пространственных, временных, причинных и т.д., как чувственных, так и незримых, а данных нам взаимодействиями в кинестетических образах (из внутримышечных ощущений).

Поэтому первичные понятия создаются не сознательными волевыми операциями: не в созерцании и не в абстрагировании спекулятивных размышлений, сравнении, обобщении, отвлечении и не в чтении или слушании чужих рассуждений, а в *практическом* взаимодействии с вещами и в *допонятийном* образном мышлении.

Понятия о вещах – *образы практических операций* с вещами.

Сознательно же строятся *теоретические понятия* в познавательном исследовании или обучении, но это понятия вторичные, складывающиеся на основе первоначальных понятий, стало быть, их подвал тоже является подсознательным.

Эти вырабатываемые практикой колейные образы – первозданные понятия и осуществляют восприятие. Уз-

навание вещей (4.2) производится частичным совпадением – наложением импульсного образа на один из вариантов колейна и распространением возбуждения от него на его остальные части, то есть является *воспоминанием* прошлого опыта.

Благодаря многовариантности колейных схем понятия при узнавании или воображении их активация может начаться с любого из этих вариантов (дизъюнктов), но он связан с прочими, способен возбудить их, служит их представителем, – так сказать, своего рода символом.

Таким образом, обобщение в типы вещей и отношений между ними, включая простейшие *законы*, вроде «камни падают», «собаки лают», происходит уже в нашем подсознании, в памяти, – в форме колейнов.

Восприятию предстоит единичное, но узнается в нем, – понимается общее: «Это есть дерево», «S есть Р». И в этом понятии пропускаются нетождественные детали, но отбираются разные варианты тождественных. Понятие становится соединением единичного и общего.

Текущий определитель сознания оказывается *двусторонним*: одна детерминирующая сторона – это внешний мир, но другая сторона, возбуждающая сознание, – внутренняя, импульсы от организма и несознаваемая колейная структура мозга, которая и служит его содержательной базой, простирается под сознанием и направляет его жизнь, притом не только в сновидениях или каких-то там неврозах, как толкует фрейдизм, но, как увидим, постоянно, – все наше восприятие, воображение, интуицию и мышление, – за что я называю этот слой психики **подсознанием**, предпочитая это слово традиционному термину «бессознательное» (Unbewußte, unconscious), больше подходяще-

му для несознаваемых физиологических процессов и телодвижений.

5.4. Что стоит за гештальтами

Здесь, в целостных нейрофизиологических структурах – колейнах я нахожу объяснение таинственных гештальтов.

Для разгадки механизма узнавания не нужны никакие невесть откуда берущиеся гештальты и немислимые «бессознательные умозаклучения». Колейны и есть те внутрение структуры, которые обеспечивают восприяие и придают ему его странные особенности – мгновениость, константность, целостность: восполнение в сенсорном образе пробелов импульсного образа (апперцепция), когда эти детали входят в колейн и незамечание тех, которые отсутствуют в колейне.

5.5. Как происходит понимание

Колейны легко объясняют также явления *понимания* – обоих видов:

1) разумительное понимание – вещи мира, – *объяснение*,

2) общительное (коммуникативное, герменевтическое) – других людей, *смысла* их речи и дел, – *осмысление*.

Понимание является узнаванием – по каким-то компонентам объекта остального, идентификация новых объектов с образами своих былых взаимодействий и осуществляется возбуждением импульсным образом их колейна. *Объяснение* есть узнавание по явлению его связей с другими явлениями. *Осмысление* есть узнавание по знаку его значения.

И всякое понимание есть наделение (!) смыслом, то есть создание образа в собственной голове и его проецирование на объект.

• • • • • • • • • • • • • • •

5.6. Действительная ткань понятий и умений

Иллюзию необразности («непредставимости») понятий создают неведение подсознательной колейной природы их образов с их схематичностью, вариантно-стью и бессознательностью, а потому безотчётностью, а также преобладание в них образов не столько зрительных или слуховых, сколько осязательных и мышечно-двигательных (*кинестетических*), репрезентирующих внутримышечные ощущения, сопровождающие наши телодвижения и действия. Так, ощущение давления лежит в основе образа тяжести (гравитации) и всякой иной силы. Эти образы невидимы, но тем не менее есть образы по их определению.

В результате прошлого опыта совместности зрительных и мышечных ощущений в практическом взаимодействии с объектами зрительные и внутримышечные ощущения соединяются в колейнах – и зрительные образы превращаются в пред-упреждения о предстоящих мышечных – в случае, если мы станем действовать на объект – и в цветных пятнах и линиях мы узнаем нашу прежнюю практику, «видим» в предметах то, что видеть нельзя: их форму, гладкость, твёрдость, объем, тяжесть, холодность и т.д.

Вот почему, как к общему удивлению обнаружилось в 18 веке, когда хирурги научились снимать с глаз слепых катаракту, прозревшие долго не могут видеть в цветных пятнах окружающие предметы, пока рука не

обучит их глаза. И ту же закономерность современные психологи заметили также и у новорожденных младенцев.

Таким образом, в пику сенсуализму основным органом познания служат вовсе не глаза и уши, а наше *тело*, – его руки и материальные орудия, а также направляющие их внутримышечные ощущения, а основным его способом – *действия* тела.

Вследствие адаптации формы наших действий к форме вещей *кинестезия* дает подсознательное знание о положении и движении нашего тела, рук, ног, притом даже в темноте, и воспроизводит пространственную, временную и причинную структуру объектов.

Благодаря этому координаты служат схемами наших телодвижений и действий с вещами, всех наших умений и навыков; лишь под их направлением мы можем ходить, танцевать, брать, писать, перемещать и т.д.

В силу этих практических истоков сами наши понятия, даже, казалось бы, самые абстрактные, являются *операциональными*, включают в себя образы наших операций и становятся инструментами репрезентации, корреляции и координации наших материальных действий с вещами и их отношений друг с другом и тем самым порождают образы наших ментальных действий, так что само мышление – это операции над понятиями.

Однако кинестезия обычно безотчетна, поэтому в теории недооценивается, а то и вовсе не замечается, а это позволяет идеистической гносеологии игнорировать эту практическую базу сознания.

Эта общественно-бытийное происхождение сознания и придает ему качества, настолько противоположные бездуховной материи, что его за них величают да-

же “*идеальным*” (1.1), и нам впереди еще предстоит немало им удивляться.

5.7. Отсебятина восприятия и мышления

Понятия, как обыденные, так и теоретические, через свои колейны бессознательно определяют наше восприятие и мышление; их осмысление определяет узнавание объектов в сочетаниях цветных пятен, линий, звуков, осязаний и других ощущений и, наоборот, представление мыслей в каких-то чувственных образах.

Сквозьколейность восприятия и понимания заставляет в «очевидном» поле зрения упускать то, чего нет в колейне, зато *видеть несуществующие* детали, если они есть в колейне. Таким образом, колейны действуют подобно сити и инцессору, производя селекцию и дорисовку восприятия и понимания, устанавливая их направление и предрасположение к заданному способу: куда человек будет смотреть, что там заметит, а что не заметит и за что примет замеченное.

Колейность сознания похожа на гостеприимство мифического греческого разбойника Прокруста, славного подгонкой гостей под свое ложе: он подрезал тех, кто был длиннее его, и вытягивал тех, кто оказывался короче. В честь этого бюрократа-формалиста такую колейную подгонку образов осознания я позволил себе назвать **прокрустацией**.

Как на первый взгляд ни возмутительно это свойство, но прокрустация сознания нам *необходима*.

Силою прокрустации восприятие и понимание оказываются уподоблением нового известному нам из прошлого опыта, то есть именно восприятием и пониманием – связью настоящей и прежней практики, тем самым обеспечивает ей отнесение на будущее – *предварение* (антиципацию), в частности, *предвидение*,

предпонимание и предмнение (4.6), – то, для чего и нужны восприятие, понимание и без чего практика невозможна.

При этом прокрустация несет *предвосхищение* истины в случае совпадения, достаточного подобия прошлым рожденному колейна и предстоящего объекта; однако, она же несет искажения – ошибки, принятие одного за иное, лишь частью похожее, в случае их различия. Истинное предварение и есть *предвидение*, ложное предварение – *предвзятость*.

Ложная прокрустация способна производить образы несуществующего, всевозможные видения, *призраки* (артефакты).

Воображение, грезы, иллюзии, галлюцинации как раз и создаются активацией колейнов частичными сходствами, эмоциями, наркотиками, гормонами и другими внутренними возбудителями или речью.

• • • • •

5.8. Историчность, стратовость и индивидуальность восприятия и понимания

Так как прошлый опыт людей в чем-то сходен, а в чем-то различен, он очерчивает сходства и различия колейнов их *предзнания*, а они делают людские восприятия и понимания историческими, стратовыми и индивидуальными.

Кант прав, для восприятия прямой, количества или причины, надо прежде иметь понятия о них (4.6). Но философ не различил здесь *созерцание* – неосмысленное чувствование, поступление извне комбинации ощущений, и *восприятие*, включающее осмысление созерцаемого, – *узнавание и понимание*. А смешением со-

зерцания и восприятия гносеолог и закрывает себе путь к объяснению опытного происхождения самих осмысливающих понятий.

Откуда они?

Ему не остается ничего иного, как смириться с их сверхъестественной априорностью.

Между тем все люди в состоянии созерцать (в этом смысле «видеть») в вещах прямое, количества или причины, но без уразумения их таковыми, хотя скорей всего именно поэтому они на них и не будут смотреть. Но такое «видение» для ума и практики равнозначно слепоте, оно не доходит до сознания, не замечается и потому не может быть использовано.

Но когда осознание этих особенностей вещей становится необходимо для практики, такое слепое видение, естественно, оборачивается страданиями ошибок и неудач, а уж они заставляют сознание обращать внимание на эти особенности и вырабатывать понятия о них, чтобы уже воспринимать (в этом смысле «видеть») в объектах прямое, количества или причины.

И вот такое осмысленное восприятие и понимание мира у людей различается в зависимости от их прошлого опыта, исторически и социально меняется.

Есть уровень развития – младенчества или архаических народов, – которое не видит ни прямое, ни количества, ни причину, которая и не фиксировалась до Античности, и почти не знает категории времени, живя без часов и календаря, «в день какой неведомо, ни в каком году».

Древние и нынешние архаики видят в луне какие-нибудь рога незримой коровы, в звездах – глаза духов, считая их величиной с бусинку, в молнии – стрелы богов, вроде Зевса или Перуна, а современные люди видят в Луне – всего лишь освещенный Солнцем камен-

ный шар, в звездах – иные солнца, а в молнии – гигантские электрические искры.

Конечно, люди всегда видели – созерцали, но до Возрождения не сознавали перспективного уменьшения размеров предметов по мере удаления и потому даже художники его не изображали. До Леонардо да Винчи не видели светотени; до импрессионистов не видели и не изображали изменений расцветки предметов в зависимости от положения Солнца, состояния атмосферы и отсветов соседних предметов, не замечали разноцветности теней и ободков дифракции вокруг силуэтов, радужной интерференции света (пленера).

Даже находящиеся в одном цехе его хозяин, наемный инженер и рабочий видят его по-разному, как различны в нем их положение, дела, потребности и знания (4.6).

5.9. Предпонимание в науке

Тот же *закон сквозьколейности* мировосприятия, его направления, прокрустного отсеивания и добавления (5.7) действует и в науке.

Без предпонимания и, в частности, без теории нет эксперимента. Сложнейшее нагромождение экспериментального оборудования не может сложиться в случайной комбинации каких-то материальных устройств. Предпонимание диктует сами наблюдения и мысли, темы исследований, отбор и интерпретацию фактов, замыслы экспериментов и предвосхищение и смысл их результатов.

До Галилея – Ньютона не было понятия об ускорении и никто его не видел и не измерял, хотя этот факт был у всех перед глазами. За пять лет до К. Андерсона немецкий физик Кунце (1933) опубликовал фотографию трека мезона, но тогда теория не предполагала та-

кой частицы и фотографию сочли бессмысленной ошибкой.

А неспециалист вообще видит в лаборатории практические факты: какие-то вспышки, щелчки, покачивания стрелок и т.п., если еще их заметит, потому что они для него обесмыслены и скучны, но не видит того, что видит ученый: частиц, излучений, сил, напряженностей и т.д. Глазами смотрит ум.

Но вместе с осмыслением фактов сама теория в свой черед предопределяется субъективным предпониманием исследователя, – его миропониманием, практически выработанным и запечатленным в его колейнах.

Вот почему при одной и той же эмпирии, а то и в противоречии с ней могут существовать ее разные и часто взаимоисключающие теории (2.2).

5.10. Интуиция мышления

Судя по всему, мышление производится тем же механизмом колейнов, что и узнавание (опознание).

Мышление является воображением по известным компонентам образа искомых неизвестных компонентов или отношений между ними и происходит путем заполнения пробелов, устранения взаимоисключений и перекомбинации.

Умозаключение (силлогизм) есть то же узнавание в одном образе другого образа и, как в восприятии, оно построено на подобии, – тождестве посредствующих понятий («средних терминов» $M \equiv M$) и, по-видимому, осуществляется аналогично (5.3), – взаимодействием сознаваемого образа, доступного речевому направлению, с подсознательным колейным образом.

В этом колейном механизме мне видится объяснение хаотичности, полубессознательности и мгновенности мысли (4.8). Так как переход от посылок к заклю-

чению есть узнавание (5.3), хотя и не в восприятии, а в создаваемом образе другого образа через подсознательный колейн, то он совершается так же подсознательно, а нашему сознанию является только результат умозаключения, активированная часть колейна, и так же, как при узнавании в восприятии, является неожиданно, по прихоти сложившихся ранее колейнов, и мгновенным непосредственным усмотрением истины, озарением, – как удивленно говорят, – «умозрением».

Но воображаемое схватывание неизвестного по известному и есть то, что называют *интуицией* (4.1), хотя обычно этим страшным словом принято величать решения особенно сложных проблем, когда его логическое оформление особенно затруднительно, – такие, как гипотезы Коперника, Ньютона или Бора (4.8) или математические прозрения К. Гаусса, который, делая ошибки в своих расчетах, тем не менее результат писал правильный, стало быть, знал его заранее.

Как понять такие диковины? Такой алогизм безраздумного постижения истины, внезапное озарение темного, часто в противоречии к логике и известным фактам, не может не поражать потрясением и восторгом; такие явные алогизмы мышления и относят к интуиции.

Но ведь в исторической перспективе, по мере того, как мы узнаем об этих алогических озарениях еще кое-что, логика в них возвращается, – в той мере, в какой они оказываются истинными. Следовательно, этот алогизм интуиции является видимым, обусловлен недостатком наших первоначальных знаний и потому неспособностью логически оформить открывшееся решение.

Да и что за диво, если первоначальное решение было неполным?

Когда в противопоставлении логике к интуиции относят алогичное мышление, не замечают, что ход

любого, даже самого простенького силлогизма, столь же полубессознателен и неожидан, а логически упорядочивается только потом и то не всегда, и, следовательно, мысль, признанно логичная, тоже зиждется на интуиции.

В соединении мышления с интуицией мне видится та доля истины, которая содержится в интуитивизме (4.1.), но испорчена его мистической эксцентричностью в усилиях ее объяснения.

5.11. Речевое мышление

Описанное (5.5-6,10) образно-двигательное мышление для краткости назовем удачным термином И.М.Сеченова – *соображение*.

Как убедительно демонстрируют многочисленные яркие эксперименты и наблюдения В. Келера (1917) и других этологов, соображение (доречевое «конкретное» мышление) свойственно уже обезьянам, лисам, собакам, лошадям и другим высшим животным.

Разумеется, есть оно и у человека, – интуитивное мышление. Больше того, без соображения человек теряет способность к умственному творчеству, решению проблемы, когда заранее неизвестен его алгоритм. Для людей со слабо развитым соображением даже простенькие школьные задачки об идущих навстречу поездах и наполняющихся - опорожняющихся бассейнах предстают опасными цифровыми путаницами.

Однако доречевое соображение является чисто интуитивным и двигательным, то есть направляется видимым окружением, поэтому возможно только об объектах, непосредственно воспринимаемых и должно сразу же претвориться в действие или тут же будет забыто.

Но специфически человеческим является соображение *речевое*, то есть направляемое речью, внешней или (и) внутренней, – **разум**.

Если в чистой интуиции на колейн налагается образ непосредственно воспринимаемый или – реже – вообразаемый, то в человеческом мышлении налагается также образ, вызываемый словами. Благодаря скреплению с речью соображение подчиняется речи, чужой и собственной, тем самым обретает соответствующую независимость от ситуации – *надситуативность*, зато – связь с другими понятиями, понятийную расчлененность и системность.

Среди прочих понятий и над ними поднимаются понятия о движении, пространстве, времени, количестве, причине, истине и т.п. – *категории*, которые как образы *отношений* в изрекаемых суждениях и умозаключениях становятся, по выражению И. Канта, «*формами мышления*», которые в отличие от логических форм уже сознаются нами – первоначально хотя бы в языке.

Преобладание образного мышления плодотворно. Озарения интуиции дают сразу очевидное знание, но, увы, не обеспечивают ему достаточной четкости и точности, поэтому они легко впадают в промахи-ошибки и могут вообще выродиться в софистику и безумие. Необходимую определенность соображению придают как раз его речевые, знаковые или модельные и логико-формные репрезентации, контроль и направление. Вот ради чего, соображая полуподсознательно и хаотично, человек затем пришедшие ему мысли выстраивает в речи в логической последовательности.

Однако преобладание знаковых необразных операций, – *рассудок*, отрыв словесной, алгебраической и иной символической формализации от соображения,

превращение в шаблонные перекомбинации знаков по заданным правилам, выхолощенное рассуждение становится трудоемким, упускает разветвления значений знаков и тоже запутывает и ведет к заблуждениям.

Речь создает соединение интуиции и рассудка в **разум** и придает сознанию отличительные человеческие качества:

1. *Расчлененность* на звенья – отдельные понятия («дискретность», «дискурсивность», рассудочность).

2. Обратное – соединение в *систему* – благодаря взаимной дополнительности понятий, от языковой семантики и морфологии до теории.

3. *Абстрактность* понятий (5.3).

4. Выявление мысли в речи (*экспликация*), тем самым ее объективация и благодаря этому доступность произвольному запоминанию и управлению, нашей воле, способность к произвольному воображению – *фантазии* и возникновение самосознания и *личности*.

5. *Надситуативность* человеческого мышления, относительная независимость от наличной ситуации, но подчинение понятиям, заботам и проблемам большого мира, простирающегося далеко за границы непосредственно воспринимаемой ситуации – вплоть до цивилизации и вселенной.

6. Через речь разум становится средством *организации* – подразделения и согласования *совместной практики* людей и практически создает *человеческое общество* как таковое.

7. Речь связывает индивидуальные сознания в особое *общественное сознание*, – социально-историческое, о котором подробнее дальше.

5.12. Познание необходимости.

Иное происхождение у *ценностных идей* (3.2).

Оценки и идеалы не могут быть изображением и тем более отражением действительности, потому что способны ее осуждать и требовать иной.

Откуда же они? Что они такое?

Как добро и зло могут быть объективно в мире, если одну и ту же вещь люди оценивают различно: то, чем один восхищается, то другой осуждает? Почему прекрасное для одного отвратительно для другого? Может быть, они всего лишь субъективные эмоции и фантазии, – наше творчество?

Или в них проявляется нечто потустороннее, божественное? Но тогда они для нас должны быть в принципе непостижимы.

Однако если ценности субъективны, то почему мы не в силах восхититься тем, что нам отвратительно, и отвращаться от того, что нам восхитительно? Что-то независимое от нас оказывается сильнее нас и препятствует нашему произволу в оценках. Выходит, в ценностях все же есть что-то объективное.

Но что?

Как разрешить всплывающие противоречия?

Мы пока еще недостаточно погружены в проблематику оценок и идеалов, чтобы углубляться в их сколько-нибудь обстоятельное исследование, хотя некоторое первоначальное ознакомление с их существом, как видим, нам требуется уже здесь. Им пока и ограничимся.

Объяснение оценок и идеалов я вижу в уже известной нам категории *необходимости* (2.4). По самому своему определению, необходимое есть то, что способствует нашему процветанию, соответственно получает одобрительную оценку и обобщается в *образах* необходимого – *идеалах*. Так же как то, что разрушает необходимость, наоборот, получает, естественно, отрицатель-

ную оценку и обобщается в образах гибельного, – всевозможных антиидеалах.

Согласие действительности с необходимостью возбуждает эйфорией счастья только при своем наступлении, а потом скоро перестает замечаться. Необходимое отношение, когда оно есть, молчит. Необходимость привлекает наше внимание, только когда она нарушена и действительность ей противоречит. Повелевает отсутствие необходимого – потребность.

Однако познание необходимости затрудняют особые сложности, ибо по определению необходимость – это не вещи, которые можно видеть, слышать и шупать, а *отношения* с ними, обусловленные их причинными связями и определяющие их действие друг через друга на нас – со всем их бесконечно сложным и длинным опосредованием. Поэтому необходимость недоступна восприятию, ее нельзя увидеть или пощупать. Оттого-то в общественном сознании “Надо!” окутано таким мистическим ореолом.

Но если необходимого отношения нет, то это означает только, что есть гибельное отношение. Живое замечает только то, что не может существовать, – страдает, томится и гибнет, чувствует, что ему чего-то не хватает; но чего? В чем заключается необходимость, – это само еще необходимо узнать. А это не гарантировано.

Необходимость прихотливей самого капризного деспота: она не говорит своих повелений, а только карает за их неисполнение. Причем раз необходимого отношения нет, то его и нельзя воспринять. Да если бы оно и было, все равно осталось бы незримым, как отношения между вещами и нами, – невидимые, и, может быть, даже еще или уже не существующие.

Вот почему необходимость обычно познается вслепую, эмпирическим путем практических проб и отсеивания неудач, или с помощью прошлого опыта, запечатленного в благоприобретенных и врожденных отзывах (рефлексах).

Однако и биологические побуждения могут обмануть, неверно выразить необходимость: заставить страдать бессонницей или отсутствием аппетита, хотя организм истощен и нуждается в отдыхе и питании, и, наоборот, наслаждаться ленью и обжорством, хотя и во вред здоровью.

Специфически человеческие необходимости осознаются работой разума, мышлением – посредством познания и понимания разнообразных причинных связей в мире и предположения их необходимой комбинации, но потом – опять проверкой догадки практическим испытанием.

Однако и сам разум может оказаться бессильным. Бывает, не только отдельные люди, но и целые народы погибают оттого, что так и не поняли, что им надо, и не достигли его. Сколько на планете печальных мест, где когда-то плескались каналы и шумели белые улицы, а теперь только шелестит песок или чернеет бурьян. Эти народы и цивилизации так и не смогли постигнуть или достигнуть того, что им было необходимо, и исчезли. Было бы слишком чудесно, если бы мы всегда могли осознать и исполнить необходимость.

Притом мало знать то, что непосредственно необходимо, надо знать еще *средства* и *способы* его достижения, то есть *возможности* окружающего мира, – другими словами, доступность изменять действие одной силы действием другой, и зависимость от нас их результата.

Поэтому не только постигнуть, но и достигнуть необходимое можно разными *способами*, одинаково плохо или одинаково хорошо, хуже или лучше. Как голод можно утолить и черствыми корками, и царскими яствами, так социальная необходимость, скажем, в ученье может быть осуществлена и в академии, и на чердаке самоучки. Так по-разному может быть исполнена необходимость и в экономической пропорциональности.

Абсолютное удовлетворение необходимости вообще невозможно, потому что необходимость бесконечно развивается – вследствие изменения как нас самих, так и обстоятельств, – и это постоянно возникающая рознь субъекта с объективным миром является источником его *развития*. Удовлетворение необходимости всегда относительно и потому ограничено и временно. Особенно для человека, который сам изменяет себя и обстоятельства. И в этом наше и горе, и счастье – источник бесконечного улучшения.

Приближение ценностных идей к реальности проходит ряд ступеней.

Начало осознания необходимости – *мечта* – это возбужденная неудовлетворенностью сладкая греза удовлетворения, нащупываемый образ желанного блага, может быть, яркий и волнующий, но смутный и ощущаемый далеким от действительности. Но именно эта трещина между мечтанием и реальностью в конце концов отравляет всю его сладость, вызывает страдание и устремляет к реальности.

Идеал – образ жизненного блага, принимаемый за действительный или возможный, – достижимый.

Оценки и идеалы – это наиболее чистые ценностные идеи как таковые, но именно поэтому они требуют соединения с *познавательными* идеями, понятиями о

причинных закономерностях в мире и в человеке, которые позволяют обратить причины в средства и способы достижения необходимого, и вместе с ними разрабатываются в идеи **проектные**:

3) *цель* – осуществляемый образ блага, соединение идеала с понятием практических *действий* его достижения;

4) *замысел* – соединение цели с понятиями о *средствах* и *пути* его достижения;

5) *проект* – подробно разработанный замысел;

6) *план* – проект или последовательность проектов, рассчитанных на удлинённый срок;

7) *программа* – многоцельный и многоступенчатый план. И.т.д.

Как видим, взаимоисключение познавательных и ценностных идей (3.2) является позитивистским мифом. Хотя идеи познавательные и ценностные, и впрямь, противоположны, но как все противости они *едины*: взаимно проникают и обуславливают друг друга и оба типа идей порождаются в недрах практики.

Однако как ни тяжёл наш постулат необходимости, все же сделанный здесь намек на её претворение в оценках и идеалах, хотя и предстаёт несомненным, но, очевидно, слишком лёгок и неполон, и едва ли в состоянии удовлетворить нашу любознательность, так что нам впереди ещё не раз придётся вернуться к их анализу. Тем более, что трудно переоценить роль оценок и идеалов в человеческой жизни; ведь именно они направляют наши и дела, и мысли. И философия не исключение.

5.13. Господин Менталитет

Благодаря взаимной дополнительности понятия и идеалы сливаются в систему – на трёх уровнях:

1) Подсознательную систему, претворенную в колейнах (5.3),

2) Языковую систему, претворенную в морфологии и семантике языка (5.11), и

3) Сознательную – вплоть до теоретической.

Системность понятий и идеалов проявляется в их невозможности существовать друг без друга и в изменении одних от изменения других, так что от появления нового образа сдвигается смысл смежных.

Подсознательная колейная система понятий и идеалов и есть то, что образует человеческую *ментальность* (менталитет), спрессованные в подвалах памяти неизреченные безотчётные представления о мире, человеке и их взаимных отношениях.

Есть и другие имена этой скрытой, но давно подозреваемой духовной системы, оттеняющие ее разные грани: так, стоики говорили о некоем «общем убеждении» (*koí val évvoíai*); в 17-18 веках ее называли на разный лад: дух, духовность, умственный и – шире – духовный склад (склад ума, души), здравый смысл (*common sense, bon sens*); в 19-20 веках – “обыденное знание”, “неявное”, доречевое, пресловутое “имплицитное”, “предпонимание” герменевтики, “молчаливое знание” (*tacit knowledge*) М. Полани; в современной эпистемологии – “стили мышления”, “картины мира” или “парадигмы”.

Подсознательные колейны пониманий и идеалов служат первой ступенью осознания мира, в частности, первой ступенью знания, складывающейся непосредственно в бытии, хотя обычно незамечаемой.

Поэтому менталитет путают с *мировоззрением*, буквально означающим бездеятельное созерцание мира, но обыкновенно это слово употребляют в смысле миропонимания более-менее осознанного (1.12).

Эти потаенные доречевые глубины подсознания трудно доступны нашему словесному описанию; обычно о них вообще не догадываются и поэтому недооценивают.

Между тем менталитет составляет фундамент всей человеческой психики.

Благодаря действительной сплетённости понятий (5.6) этот подсознательный мирообраз обеспечивает все наши практические способности, умения и навыки, от возможности ходить, говорить, есть до мастерства слесаря, художника, врача, экспериментатора – любого дела в ремесле, искусстве, технике (5.3).

Безотчётный мирообраз образует базу самого нашего восприятия, предопределяя, что в цветных пятнах мы увидим, какие вещи опознаем, что в них не заметим и какими отсутствующими деталями дополним, – всю селекцию и дорисовки восприятия – прокрустацию (5.7); базу понимания слов в общении, от речей до книг и теорий, что и как мы в них поймем и что не поймем; базу нашей интуиции, соображения и всего мышления, всей эвристики, способность к тем или иным догадкам, *остротам* или *глупостям*, предрасположение к тому или иному способу объяснения (3.3).

Мы видим мир сквозь понимабельные и идеаловые колеи.

Ментальность решает, что нам очевидно и понятно, а что нелепо и смешно, непонятно или сомнительно.

Ментальность – безотчетная *база* самого восприятия фактов и незамечаемая почва, из которой вырастают *теории* и вся *методология* в науке (5.9) и *доктрины* в *идеологии* – от *мифов* и *теологии* до *политологии*.

Миропонимание и идеалы в их практическом преломлении создают наш *интерес* – в смысле как внима-

ния, так и душевных привязанностей, потребностей и проектов (5.12), вплоть до *совести*, *расчетов* и *выгод*.

В ментальности укоренены сами привычки, манеры и характеры людей, их симпатии и антипатии, способы переживаний и все эстетические предпочтения – *вкусы*, внутренние образы, художественное творчество, особенности танца и музыки, поведения, нарядов и стилей.

Ментальность – вот база *духовной культуры* в ее историчности и стративности (5.8).

5.14. Бытийный творец менталитета

Как видим (5.13), в философии, которая полагает, что дела людей определяются идеями, есть своя истина. Людьюми правит менталитет, под действием ситуации оживая в их сознании идеями и направляя их поведение и все дела.

Однако сам-то менталитет создается бытием людей. Предсознание является практическим. Таким образом, через менталитет практикой людей правит их собственная практика.

Загадка происхождения предпонимания (4.5) раскрывается практистским материализмом: разум формируется вовсе не восприятием («опытом» в смысле чувственного созерцания (5.8)), а практикой в некотором бытии («опытом» в *этом* смысле).

Отвечая на вызовы рационализма и его критиков (4.1-4.6), должно констатировать: *подсознание* существует (5.3), но не какое-то доопытное – врожденное (исключая инстинкты) и потому какое-то сверхъестественное. Наоборот, наше колейное подсознание есть итог нашей прошлой жизни, создается бытием в личном опыте и через прошлое сознание этого бытия.

Именно наши взаимодействия с вещами, вынужденные воспроизводить особенности вещей, ткнут действительную ткань наших понятий, вырезают колеи объектов (5.6), превращая менталитет в операционный ориентир и регулятор наших будущих восприятий, пониманий, всего мышления и материальных действий (5.13).

Именно разлады и лады нашей необходимости и действительности вырабатывают идеалы и оценки (5.12), вплетённые в наш менталитет, тем самым создают наши интересы, толкающие и ведущие наши дела в целесообразном преобразовании мира для его приспособления к нам.

Познание, идеалы и практика едины, определяют друг друга и невозможны одно без другого. Практика, лишённая уразумения, рассыпается в хаос бессмысленных телодвижений, наподобие производимых сумасшедшим. А образы, оторванные от практики, пустеют и смешиваются в бред сумасшедшего.

Но будучи нарисованной бытием, наш менталитет, его понятия и идеалы, всегда ограничены исторической ограниченностью, во-первых, доступных нам производственных технологий и, во-вторых, конкретики общественной жизни, материальных и духовных взаимоотношений между людьми.

5.15. Понимание – автопортрет мастера

Бытийная обусловленность менталитета конкретизируется в законе *бытийных предоснов знания*: содержание знания, его широта и границы, очерчивают практические потребности, притягивающие внимание *важным* (4.9.), и технологические *возможности* взаимодействий, – в особенности производства и общественных продуктивных отношений, потому что здесь сози-

даются познавательные средства, в частности, научная *технология*, исследовательские экспериментальные приборы, делающие доступными новые явления и здесь практические взаимодействия ткнут наши *колейны* понимания и идеалов.

Вот почему из производственной и бытовой **технологии бытия** вырастает менталитет, а из него – мировоззрение и затем теории, так что смена производственных технологий и продуктных отношений меняет и научные технологии и менталитет.

Короче это можно резюмировать в законе самоуподобления (автоморфности) миропонимания: объяснительными **образцами** нам служат запечатленные в подсознании *колейны* наших **собственных взаимодействий** с миром, доступные людям технологии их бытия; наше понимание является уподоблением природы нашим собственным взаимодействиям. Людям понятно подобное тому, что они делают сами, сообразное их взаимодействиям, и непонятно то, что им противоречит; а понимание прочего – только уподобление практически открытому.

Так, традиционный миф (3.4) выражает мировоззрение архаических охотников, пастухов, крестьян и других людей, владеющих только собственными руками, ножами, луками и тому подобными ручными орудиями да скотом; поэтому и все вокруг: шум дерева, дождь, молнию, поведение зверей – они не могут объяснить иначе, как воображаемым населением их человекоподобными существами, хотя невидимыми, стало быть, бесплотными, – что и называют *духами*.

Соответственно в действиях природы мифисты видят не устойчивость – законы, а *произвол*, все события происходят каждый раз по-новому, потому что резуль-

таты их собственного труда тоже не регулярны, а только вероятны.

В мифах нет даже вопроса о каких-то объективных причинах и законах. Здесь объяснение не причинное, а генетическое, но ведет его не логика, а ассоциации, не истина – ложь, а сакральное и профанное. Сам же мир мифа ощущается вечным, а светопреставление – окончательным переходом реального мира в мифический, но ожидание этого конца света есть та реальность, которая направляет этику настоящего.

Современные социальные мифы, религиозные, националистические, коммунистические, – строятся по тем же принципам – объяснение общества чьими-то происками – *чудотворением* (2.5) добрых гениев или добрых масс и кознями врагов, явных или, за неизвестностью таких, – тайных.

Творение ремесленником вещей превратило Верховного Духа в мастера, демиурга, придающего форму материи. После Фалеса этот космический образ стал само собой разумеющимся для философов соответствующего толка. Для Платона бог – это не только идеи вещей, но и надмировой мастер, для Аристотеля – перводвижитель, а для Хрисиппа, Спинозы или Гегеля – управитель внутри мира, его имманентный разум.

С распространением рычагов, воротов, весов, блоков, полиспастов, винтов, зубчатых передач, водяных и ветреных двигателей и других *механизмов* и *машин* в ремеслах и промыслах – гончарных, кузнечных, слесарных, маслоделии, в строительстве крепостей, водопроводов, кораблей, гаваней, арсеналов – серьезные *мифы* превращаются в *сказки* – изначально отравленные неверием и насмешкой, а мир стал видаться гигантским **неодушевленным** механизмом и маши-

ной, мифологическое сознание вытесняется сознанием теоретическим и экспериментальным, – **научным**.

В механизмах их детали и действия люди специально мастерят неизменными, чтобы получить в них единообразное движение деталей, притом отдельно от человека, без его участия, «самодвижение», а на выходе – предвидимый неизменный результат (2.3); так был создан прообраз единообразной связи причины - следствия и бездуховного самодвижения вещей по единообразным постоянствам, бездуховным, природным законам – «**естественным**», – возникло разодушевленное миропонимание, – материализм Демокрита – Ньютона, где нет возникновения и исчезновения, а есть лишь сложение и разложение самодвижущихся и движущих друг друга частиц - атомов.

Если в мифе сама природа уподобляется человеческому поведению, то в механицизме, наоборот, она обезчеловечивается и даже сам человек и его сознание уподобляется механизму.

Естествознание стало антиподом мифа: в нем не наглядные представления, а абстрактные понятия, не желания и цели, а причины, не приблизительность, а точность, не таинства, а знания, не правдоподобия, а доказательства (2.4). Механицизм заменил мифоидный слитный мир корпускулярностью, произвол целей духов – бездуховными причинами – следствиями самодвижущейся материи, случайность – непременно естественными законами, исчезновения и возникновения – законами сохранения и превращения вещей вследствие изменения количества и комбинации их элементов.

И, как водится у людей, механицизм даже абсолютизировал свою объяснительную парадигму, распространил на все на свете, – явления тепловые, химические,

биологические и даже «душу» уподобил машине; материю представил пассивной, оторвал от нее силы и пространство («пустоту»), неделимость атомов положил безусловной, отверг случайность как иллюзию незнания причин и довел свой «однозначный» детерминизм до склонности к фатализму.

Тем не менее механицизм господствовал до конца 19 века, когда современное реакторно-электронное производство, имеющее дело со сложными, разорванными и *неустойчивыми* процессами, и его репрезентация в новой экспериментальной аппаратуре породили в головах исследователей противоположное представление мира, где доминируют *вероятность* и *релятивность*, зависимость явлений от условий, включая в них наши средства познания. С тех пор историю естествознания разрывает контроверза этих миропониманий – абсолютной и однозначной причинности механицизма и относительного и вероятностного детерминизма или даже индетерминизма.

Общественная и особенно рыночная конкуренция и практика искусственного сельскохозяйственного отбора сортов растений и пород животных стали образцами для *биоселективной* парадигмы объяснения – отбором к условиям – в мальтузианстве и дарвинизме, переключив потом в психологию, социологию, космогонию, эпистемологию, подарив нам объяснение развития звезд, планет, форм жизни, общества, культур, техники, науки, тоже почерпнутое из нашего бытия.

Аналогичным образом современная практика создает и другие популярные ныне понятательные парадигмы.

Функционирование современной сложной техники, наделяемой самоуправлением, сначала с механическими, а потом и с электронными регуляторами, и

ее поразительное подобие живым организмам навели на *системную и кибернетическую парадигмы*, – начатую А. Богдановым и Л. Берталанфи «общую теорию систем», и разработку метода «системного анализа», а затем – кибернетики и теории информации, находящих широчайшее применение в самых разных областях познания и производства.

Производственное использование и исследование микроскопической электродинамики и термодинамики плазм, газов, туманностей, жидкостей и других *разрозненных сред* – “диссипаций” открыли, как их хаос гаснет в “порядке” – в процессах согласованных (когерентных) колебаний (“флуктуаций”), течений, вихрей, циклов, а в итоге – в самосборке (“самоорганизации”) равновесных (“метастабильных”) и более устойчивых образований, – очевидно, благодаря сближению их элементов и постепенному воспреобладанию между ними их собственных связей. Картина этой “синергии” (по-греч. букв. – содействие) породила в умах Г. Хакена, И.Р. Пригожина, И. Стингера и других специалистов новую *«синергетическую парадигму»* понимания мира, перенесенную ими из физики и химии в космогонию, эволюционную биологию, психологию, лингвистику, экономику, социологию, эпистемологию.

Эти систематика, кибернетика, информатика, синергетика порождены практикой, потому относительно ее истинны и принесли в современное мышление радикально новые и глубокие образцы понимания, хотя в обычном увлечении энтузиастов, как в свое время было с механицизмом, отрываются от своей практической основы, переносятся за границы своих условий, – абсолютизируются и, как водится, ведут там к заблуждениям.

Другое, в ином отношении противоположное миропонимание, *логицистскую* парадигму создал умозрительный образ жизни аристократических и мещанских мыслителей; собственное занятие – разум (логос) они возвели в сан бога, мирового духа, незримую сущность мира, а отдельные идеи (*пра*-образы, эйдосы) – в сущности вещей, представив сами вещи – их тенями, создав себе понятный и родной *спиритуализм* (4.1). Тысячелетнее бессмертие в обществе такого внепредметного образа жизни – и не в последнюю очередь среди философов – обуславливает непреходящее возобновление в истории этого сладостного умопарения.

Появление в буржуазном обществе относительно независимого индивида породило несознаваемую *феноmenoлистическую* презумпцию – самоочевидность первенства собственного сознания индивида перед миром, вылившуюся в вековые мучительные размышления, как же он из ”Я” переходит к познанию “не-Я”, – реальности мира (4.2).

Так и в мировоззрении *мистика* воспроизводится его бытие, когда результат судьбоносного дела: кормящей охоты, грозной бури, страшной войны, отборочного испытания, хирургической операции, решительной схватки, финансовой игры, – исход любого спасения часто неудачен, стало быть, *зависит от независимого и непонятного, даже неизвестного*, тогда эта рискованная ситуация, угрожающая и обещающая, объемлет человека тревогой перед этим неизвестно чем и надеждой на непонятно что, вопреки недостаточному знанию и бессильному здесь разуму, – грозной таинственностью мистики.

Таким образом, подсознательные колейны мистики вырезаются тоже бытием – бессилием перед случайностью необходимого; и это истинно чувствуемое состоя-

ние в мистической идеологии лишь абсолютизируется: непонимаемое – в непостижимое, превосходящее известное естественное – в сверхъестественное.

Все известные типы миропониманий не имеют никаких законченных доказательств, а опираются просто на «самоочевидное» для их носителей, – интуицию их менталитета, выработанного способом их бытия.

Чем доказывает мистик свою веру в сверхъестественное? А ничем. Никаких оснований, кроме рассуждений вокруг открывшейся ему истины его бытия, внутреннего чувства чего-то запытного и непонятного.

Рационалист (4.1) редуцирует к мышлению всего субъекта, все бытие и его категории. Но на каком основании он полагает мысль единственно несомненным? Да ни на каком. Просто это его внутреннее убеждение, в котором уверяет бытие мыслящего отшельника.

Эмпирист (4.2) единственно несомненным почитает опыт («чувственные данные», «факты»). Но чем это обосновывается? А ничем. Все его доказательства опираются на недоказанное. Просто внутренняя убежденность, воспитанная бытием созерцающего испытателя природы.

Антропоморфизм пронизывает все современное естествознание. Понятия «законов», «сил», «импульсов», «работы» и возможной работы – «энергии» созданы теми, кто сам прилагает силы и работает, но представлены они уже такими, как в его машинах, – отдаленными от человека, неодушевленными, – “естественными”.

Однако эти взятые нашим умом из нашего дела, сопряженного с Господином Механизмом, практические колейные парадигмы понимания кажутся нам достижениями исключительно нашей мысли.

Мирознание сообразно мироосвоению.

А дальше, за границами человеческого автопортрета, зияет тьма, озаряемая лишь ответами нашего дела.

О запрактичном: о Солнце, далеких звездах и невидимо мелких объектах, об историческом и доисторическом прошлом, ныне исчезнувшем, – мы судим по проявлениям и аналогии с практически доступным, **уподобляем доступному**. Овладели огнем топков – представили Солнце и звезды небесными огнями; открыли ядерные реакции на Земле – увидели шары термоядерных взрывов в Солнце и других звездах на небе.

Знание о том, с чем мы не в состоянии взаимодействовать, является предположительным и вероятным, не исключает в себе фантазии и не может не беспокоить загадочными отличиями от доступного.

Человеческое бытие через творимые им объяснительные парадигмы очерчивает *горизонт* и *дно* пониманий: шире и глубже знать невозможно. **Границы рук – границы разума.**

Действия мира ставят вопросы, действия рук и рукотворных средств дают ответы. Мы знаем и понимаем столько, сколько можем сделать.

• • • • •

5.16. Господин Идеал

Уподобляющим образом формирует мирознание также другой компонент менталитета – *идеалы* – образы желаемого блага и *антиидеалы* (черноты) – образы отвергаемого зла; только порождает их не производственное бытие непосредственно, а сопряженное с ним общественное бытие, в первую очередь, продуктивные отношения между людьми и их необходимости (5.12).

Именно на колеянах идеалов вырастают обыденное ценностное сознание, мифоиды и вся идеология. Но поскольку сами идеалы экзистенциальны, идеология оказывается выражением самочувствия людей определенного общественного бытия. Спиритуализм выражает самочувствие мыслящих отшельников иерархического общества. Либерализм и феноменализм – самосознание независимых индивидов рыночного общества. Коммуитаризм и материализм – самосознание его зависимых зарплатников. Мистицизм – независимость необходимого (5.15). И т.д.

В идеологии ценностные идеи господствуют над познавательными, сердце – над разумом.

Так же как понятия, идеологические парадигмы тоже производят избирательность и примысленность восприятия, воображения и мышления, – и вот люди не замечают в объекте то, что отсутствует в колеяне идеала или антиидеала, и видят в объекте то, чего в нем нет, но есть в идеале (5.7).

Притом вследствие эмоциональности идеалов их прокрустация особенно сильна.

Идеологическая прокрустация – лицеприятие, проявляется в противоединстве идеализации и очернения. *Идеализация* – приукрашивание желаемых объектов, доведение и домысливание в них того, что сообразно идеалам, и слепота к тому, что им противно, – по крайней мере, пока оно не становится явно опасным. *Очернение* – доводоображение в неприятных объектах ожидаемого зла и слепота к достоинствам.

Люди идеализируют все любимое и очерняют все враждебное. В первую очередь, конечно, – себя, преисполняясь самомнением, гордостью и самолюбованием, даже свои пороки переименовывая в достоинства: трусость – в благоразумие, зависть – в возмущение несправедли-

востью, грубость – в откровенность, неудачу – в недостойность цели. Зато в неприятеле его благоразумие видится трусостью, возмущение – завистью, откровенность – грубостью, смелость – наглостью.

Аналогично, с таким же довоображением достоинств и слепотой к порокам, идеализируется возлюбленный и – соответственно – возлюбленная, дети, родители. Даже невероятные злодеяния милого чада едва ли заставят мать увидеть в нем исчадие ада.

Прокрусты идеалов преобразуют в наших глазах все общество: наши кумиры, нашу партию и родину, в которой скверное исчезает и даже горький «дым отечества нам сладок и приятен». Преображается их прошлое – в «доброе старое время», «золотой век» и желаемое будущее – в сияющие утопии.

Естественно, идеоловая прокрустация распространяется и на познавательные ценности: приятные идеи, согласные с идеалами, заранее кажутся истинными; идеи неприятные, противные идеалу, заранее кажутся ложными. В итоге идеалы видоизменяют познавательное предварение (5.7) в противоединство предубеждения и предвкушения. *Предубеждение* – неприязненное предварение, «отрицательное», отвержение иномыслия, контрфактов и контраргументов. *Предвкушение* – приязненное предварение, «положительное», – принятие мыслей и фактов, подтверждающих идеал.

Вот каким образом силою прокрустации любая идеология вдохновляет людей сообразного ей бытия и оказывается непробиваемо *защищена от контрфактов и возражений*. Каждое понимание – объяснение оказывается стратовым, а то и личным.

Каждая идеология *убедительна* для тех, кто живет в таком же бытии, но возмутительно *нелепа* для людей иного бытия. Как для коммунистического революцио-

нера отвратительна церковь с ее смирением и угождением властям, так для мистика атеизм трезв, но жесток, отбирает последнее утешение и надежду и потому все старания коммунистов в насильственном насаждении принудительного всеобщего атеизма провалились. Вытравить религию не смогли ни закрывание храмов, ни уничтожение священников и их книг, ни атеистическая пропаганда и воспитание.

У каждой страты оказывается *своя правда*. Различие этих правд представляет их относительными, хотя в *отношении* к своему бытию каждая правда объективна и *абсолютна*.

Оттого-то никакого произвольного выбора идеалов для людей нет. Когда идеалы являются человеку его воодушевлением и спасением от уныния, тогда чем враждебней ему мир, тем несокрушимей его упорство в дорогих идеях. Наш догматизм – обратная сторона нашего энтузиазма и без обоих дело невозможно.

Особенно привольно идеаловой прокрустации знания в условиях *понимательной* неопределенности, вызываемой неполнотой и потому противоречивостью фактов, – в «*проблемной ситуации*».

Загадочная сложность создает возможность разных версий понимания, но лишь правдоподобного и вероятного, когда у каждого аргументов *за* столько же, сколько *против*. В сумраке запутанности обмануть себя нетрудно – и решающим фактором становится цензура идеалов: неприязнь и любовь, страх и надежда, корысть и тщеславие, а то и всего лишь самоуверенность и апломб того, кто достаточно не страдал от ошибок, его равнодушие и лень разбираться. Таким образом, явленная противоречивость мира создает объективную предпосылку какого-то одностороннего подхода, где гремит шепот интереса и реализует один из выборов.

Вот отчего искажение истины идеологами обычно бывает не сознательным обманом «мошенников» и «прислужников», как упрощает дело рационализм (3.12), хотя, конечно, и обман бывает нередко, а действием ценностной селекции и домысла, а потому вполне искренним.

Этот непонимаемый феномен *честной лжи* и упорства в приятном заблуждении и в слепоте к неприятным истинам со стороны так удивляет, что его клеймят разными страшными суеверными словами: чары, оборотение, помрачение, наваждение, одержимость, дурман, морока и т.п. Да и книжный язык озадачивает его всякими туманными обозначениями, вроде тенденциозность или субъективность.

5.17. Идеалы над наукой

Но не только идеология, сквозь идеалы смотрит также и естествознание, как оно от них ни отрекщивается (3.2).

Именно идеаловая прокрустация объясняет описанное выше влияние и борение в науке познавательных идей, явно межлично значимых (3.3, 5.9), хотя общественная значимость знания не всегда так прозрачна. Отсвет идеалов ложится и на знания, казалось бы, нейтральные для интересов.

Ну, какая, скажите, ценностная разница, к примеру, между корпускулярной и континуумной парадигмами?

Корпускулизм – от Демокрита до Ньютона и Бора – всюду, за явлениями механическими, оптическими, электрическими, тепловыми, химическими, прозревает движение частиц.

Континуумизм – от Аристотеля до Декарта, Бошковича, Фарадея, Эйнштейна, – наоборот, сами частицы видит всего лишь центрами силовых полей.

Между этими воззрениями неизвестно экспериментальных взаимоисключений; оба одинаково способны объяснить и математически изобразить все известные науке факты. Оба противных воззрения можно даже слить в одно.

Почему же они тысячелетиями враждуют?

Сдается, их разводит шепот всего лишь эстетического *вкуса*: кому что нравится.

Хотя все же более пристальная мысль схватывает за вкусами интересы. Картина слитного космоса антропоцентричной иерархии очевидно сообразна феодально-феодалному миру священного многоэтажного тотального подчинения, а картина изолированных частиц в однородной изотропной «пустоте» созвучна миру индивидуализма и свободной конкуренции (3.3).

Хотя я сомневаюсь, что носители этих противоположных подходов сознавали эти менталитетные и тем более бытийные предусловия своих теоретических предпочтений. Но если между ними неизвестно разницы в фактах и логике, то чем же еще вызывается их рознь?

Понятийная и идеоловая прокрустация в науке распространяется не только на сами теории, но и на направления исследований, на доказательства, а, бывает, даже на результаты экспериментов.

Демокрито-лапласовская парадигма однозначной причины (5.15) толкает на ее поиски повсюду, в форме «скрытых параметров» даже в вероятностях квантовой механики, а стохастическая парадигма всеобщей вероятности толкает на сомнения в существовании однозначной причины даже в классической механике.

В признанной базе науки – в экспериментах, особенно когда они на границе точности инструментов и чувствительности приборов, предвзятые исследователи

«видят» и даже «измеряют» то, чего, как потом оказывается, не существует, – *призраки* “фактов”.

Менталитет и теория создают себе нужные факты и без смущения игнорируют неприятные им контрфакты (2.2). Увы, *честная подтасовка* в интерпретации экспериментов, расчетов и даже измерений – вещь в науке самая заурядная.

• • • • •

5.18. Не отражение

А теперь, после обозрения того, как на самом деле происходит познание, у кого повернется язык назвать этот сложный, опосредованный врожденными устройствами и практическими взаимодействиями путь нашего осознания мира его *отражением*?

Анализ показывает, что традиционное в материализме определение психики не соответствует реальности, сознание – никак не отражение.

В неодушевленной природе отражение одного тела на другом, – такое, как отпечаток, является подобием изменений в нем, возникших под действием внешнего тела.

А в психическом образе его элементы извне лишь пробуждаются через рецепторы в детекторных нейронах мозга, иначе говоря, являются лишь активацией извне их внутреннего врожденного свойства (5.1).

Во-2) психический образ возникает не просто под действием объекта, но от внутреннего содержания мозга в целом, его колеянов, в свой черед проторённых прежними взаимодействиями с объектами – и не только рецепторов, но всего организма и его орудий; то есть в конечном счете отбор ощущений и их пространствен-

ное, временное и т.д. упорядочение в образ производится практикой.

Иначе говоря, психический образ создается взаимодействием внешних импульсов и внутреннего предзнания, а через них – взаимодействием настоящей и прошлой практики, родовой и собственной.

В-3) природный образ остается существовать на своем носителе сам по себе, пассивным изменением; а психический образ включен в *живую* систему, создается и направляется ее способностями и потребностями, исполняет в ней одну из центральных функций, обслуживает самоуправление взаимодействием человека с миром.

Короче, в отличие от природного отражения психический образ создается самим организмом в его целостности и взаимодействии со средой и служит для **авторегуляции** этого взаимодействия со средой. Больше того, нетрудно догадаться, эта регулятивная функция психического образа и ее необходимость для живого как раз и являются истоком происхождения и развития сознания, как его физиологической базы, так и действительного содержания.

Как видим, различие кардинально. За эту самосозданность и регулятивную функциональность и удивительную идеальность психический образ, мне думается, будет точнее назвать не отражением, а именем другого типа образа, к которому принадлежат рисунки, чертежи, макеты, модели, – образа, тоже творимого человеком и тоже функционального, именем **изображения**.

Тогда открывающееся в нашем анализе резюмируется в определении: психический образ есть регулятивное живое изображение мира, а его художник, автор изображения – наша практика.

Духовное изображение мира первоначально строится ненамеренно и даже бессознательно, как восприятие и понимание, но начиная с мышления и теории – намеренно и сознательно.

.....

Фрагмент 4:

7. Философия философии

- Почему в гносеологической классике нет места для философии?
- Чем опасна подсознательность знания?
 - Философия в нецелостной линейной психологии.
 - Философствование как экспликация подсознания в категориях, номиях и антиномиях.
 - Философия – условие демократии и творчества.
 - Объяснение мира – предоснова его преобразования.
 - Философия как сценарий для практиков.

7.1. Выявление подсознания

Как трогательно просто классическое представление познания: воздействие внешних вещей на органы чувств индивида производит комплексы ощущений; абстрагирование их от частных различий и сохранение одинакового – обобщение создает понятия, а логические операции над понятиями есть мышление, – и все, – вещи познаны.

Как жаль, что оно упирается в противоречия реалиям познания (3.1-3.12, 4.1-4.10), которые совершенно бессильно объяснить.

Вот эта-то гносеологическая классика и не оставляет места для философии. К чему тогда трудные абстрактные мудрствования и споры, когда наука производит в понятийных обобщениях эмпирически выверенное и строгое знание (1.3)?

Так что с этих позиций позитивизм совершенно прав в своем неведении места и в отрицании философии (1.6-1.9).

Но явившаяся нам картина того, как на самом деле сложно идет осознание мира, – не просто извне, под импульсами от внешних вещей и в их логическом анализе, но также *изнутри* людей и *опосредовано* через практические взаимодействия с вещами и *сквозь подсознание* – менталитет, парадигмы пониманий и идеалов, а также *сквозь общество*, – благодаря совместности бытия и речи (5-6), – такая картина окольного бытийного сознавания мира открывает нам решающую и незаменимую роль в нем философии.

Знание понятий и идеалов воплощается в колеях, которые вычерчены бытием на дне подсознания, и поэтому безотчетно, неявно (имплицитно) образует то, что называют менталитетом (5.13). Конечно, наше **подсознание** содержит всякое: и умное, и безумное, и истины, и заблуждения, и это всякое направляет наше сознание, является нам в нашем восприятии, интуиции и понимании.

Однако пока подсознание не явлено, не изречено и словесно не выстроено, оно остается смутным, даже темным для нас самих, не противостоит разуму как нечто им наблюдаемое и оттого недоступно сомнению, критике и проверке. Здесь не разум господствует над

подсознанием, а подсознание господствует над разумом, обнимая его слепотой и иллюзиями прокрустации (5.3-16).

Только **выявление** (что говорится, *экспликация*) подразумений из недр подсознания в удивлениях, озарениях интуиции, выговаривание, схватывание словом и словесное логическое выстраивание раскрывает и противопоставляет их разуму в качестве его объектов, — изъясняет, делает ясным и **доступным** критическому рассмотрению, обдумыванию, перестройке и систематизации.

Каким же образом выявляется менталитет?

1. Обыденное личное выявление подсознания происходит в восприятии и речевом мышлении — в подумывании и изречении с превращением в суждение (5.11) и совершается ненамеренно и стихийно — под толчками обстоятельств, поэтому остается еще отрывочным и неполным и поэтому путанным и противоречивым.

2. Следующая ступень экспликации менталитета является уже общественной и систематизированной, это представительство менталитета в языке, его семантике, языковом мировоззрении (5.11,6.1), а затем в мифе (3.4), в искусстве и в религии (5.14).

Эти общественные формы менталитета становятся эталонами и канонами общественного бытия и священнодействия — от труда и быта до морали и обрядов. Однако эти внешние воплощения подсознания для индивида *отчужденны*, в системной полноте ему не видны и не осознаны, поэтому тоже несамокритичны, рационально не проработаны и воспринимаются догматично.

3. Лишь после того, как в математике, астрономии и других зачатках естествознания, преимущественно

еще эмпирического, возникло систематическое *теоретическое* мышление, лишь тогда людям предстал его восхитительный образец – парадигма разума и его ошеломительные открытия – и тогда из стремления к такой же логической четкости и стройности происходит восхождение на третью **СТУПЕНЬ ВЫЯВЛЕНИЯ** менталитета – философию.

Философия питается человеческой неудовлетворенностью поверхностным и обрывочным обыденным и мифологическим мировоззрением, принятым некритически и запутанным и при первых попытках разобраться заводящим в абсурды и тупики всяких «парадоксов». Философию гонит этот мировоззренческий хаос и вдохновляет светлая надежда на преодоление сумбура.

Поэтому философия предстает в форме *рефлексии*, уразумения, рациональной *критики* и *анализа* интуиций («здравого смысла», хотя тоже из здравого смысла, только иного, собственного), языка, искусства, всей культуры и, что поражало особенной дерзостью, не щадя самого святого, прежде неподсудного – мифа, религии, морали и всех ценностей, а затем и науки, и творимых во всеокрушающем *стремлении к целостному теоретическому постижению* мира и человека.

Конечно, как и прочие смертные, сам философ может и не подозревать ни о каком своем несознаваемом подразумении и его извлечении в сознании. Наоборот, обычно собственные рассуждения ему кажутся его вольными творениями. Но на самом деле, как мы узнали, его мысли текут по колейнам пониманий и идеалов, начертанным в подсознании мыслителя его бытием (5.5-16). Таким образом, философские размышления тоже оказываются проявлениями менталитета.

7.2. Что такое философствование

Из экспликативной сущности философии (7.1) явствует: философствование есть изъяснение собственно-го менталитета, то есть его извлечение, отдавание отчета, нахождение для него слов, высказывание, логическое выстраивание высказанного и обдумывание – исследование, своего рода археология подсознания, его раскопки, открытие и реконструкция, отложенного бытием в наших колейнах. В этом доставании из тьмы подсознания наших пониманий и идеалов на свет собственного и общественного рассмотрения и критического преодоления и состоит назначение, незаменимая функция философии.

Мысль – как музыка – существует только в момент своего исполнения, возникновения или возрождения в другом человеке. Так и философия живет как философствование, – личное духовное творчество ума изумленного и неудовлетворенного, повергнутого в беспокойство и раздумье и устремлённого к удовлетворению. Оттого-то философы не думают; они мыслят. Чувствуете разницу?

Вот почему, в силу своего экспликативного содержания философское познание мира предстает мыслителю как познание самого себя, рождение изнутри себя (*“майевтика”*), *рефлексия*, платоновское воспоминание (*анамнезис*) чего-то бывшего.

В этом правота спиритуализма – в версии как рационализма, так и интуитивизма (4.1), хотя он не понимает реальных оснований и границ своей концепции и не узнает в этом вспоминаемом былом своей былой практики, а выносит его в потусторонность до рождения.

Нельзя также не согласиться с лингвистическим позитивизмом «аналитиков», когда они усматривают

задачу философии в анализе языка, прояснении смысла слов (1.9). Да, есть такой момент в деле философии. Но лингвистическое изображение всей философии – узко. Язык – только один из многих материалов философского прояснения (7.1).

Вообще, какие только трактовки и – соответственно – методы не бывают в философии!

Ее начальная форма – *интуитивно-мифологическая*, народные притчи, Ксенофан, Платон, Кьеркегор, Ницше, Сартр и многие другие.

Близко ей философствование в форме художественной *эссеистики*, как у Д. Дидро, Г.Лессинга, В. Белинского, Л.Шестова, В.В.Розанова, Ж. Дерриды, Р. Рорти и др.

Затем – *интуитивно-исповедальное* философствование, как у Б.Паскаля, Н.О.Лосского, С.Л.Франка или М. Хайдеггера, или *интроспективного анализа* Э. Гуссерля.

Далее в порядке приближения к теории – *аналитико-лингвистическое* философствование, известное с античности, но абсолютизированное Дж. Муром и Дж. Райлом, *индуктивное*, как у М. Монтеня и Ф. Бэкона, *дедуктивное*, как у Б.Спинозы, Г.Лейбница и других рационалистов, *критико-дефинитное*, как у Сократа, Протагора, Аристотеля, Юма, Канта, *спекулятивно-системное*, как у Гегеля или Вл. Соловьева. И много-много иных.

Но всюду – рефлексия, обдумывание предпосылок собственного знания для выяснения предельных единичных начал всего сущего: материи или бога, мышления, воли, человека и т.д.

Впрочем, также и в науке новые идеи поднимаются из подсознания. Ньютон, Менделеев или Бор были озарены идеями своих законов, хотя и под эмпирическими

впечатлениями, но откуда-то изнутри себя и *до* их эмпирического подтверждения и даже в противоречие известным тогда фактам. Но если в науке такое происходит лишь на ее пики озарений, то в философии экспликация – ее постоянное специальное занятие.

7.3. Что такое философия

А сама философия является результатом философствования. Чем же именно? Каковы плоды философствований? Что извлекают они из подсознания?

Ну уж, разумеется, не конкретику наличных вещей. Какие вещи предстоят нам в практике, это открывает не умозрение, а зрение и прочие виды восприятия под воздействием этих вещей, хотя и по колейнам предвидения. Тогда что?

Философия открывает нам то, что недоступно никакой науке.

Кто не замечал, что математическое доказательство – процедура умозаключений исходит из предположений, принятых за истину без доказательств, – именуемых, когда в них уверены, *аксиомами*, а, когда не уверены, – *постулатами*? Стало быть, математика гипотетична, а ее доказательство – видимость, чей вес ограничен этими предпосылками.

Но по существу то же происходит и в естествознании: его теории развертываются из принятых начал, и только их следствия сверяются с фактами, – откровенно, по провозглашенным принципам, в отличие от математики, которая то же самое делает молчком.

Философия эксплицирует из предразумений и исследует как раз то, что недоступно науке, ни естествознанию, ни гуманитарике, потому что оно является теми начальными **ОСНОВАНИЯМИ**, из которых исходят сами науки в своих рассуждениях и доказательствах, но

которые ни в одной науке сами не доказываются, а принимаются как исходящие непосредственно из опыта, из фактов и несомненные.

И такие начальные основоположения неизбежны в любой науке, потому что ведь ни одно доказательство в своей силлогической цепи не может продолжаться до бесконечности, но с чего-то должно начать (4.1-4.2). Между тем фактуальное происхождение таких начал как будто бы и есть, но и сомнительно, поскольку альтернативные научные теории исходят из иных, противоречащих друг другу начал, хотя «факты» для обеих теорий известны одни и те же (2.2).

Философия как раз и анализирует эти начала, предразумения разумений, предзнание всякого знания, то, что лежит за пределами науки. Возможно, как раз за эту предваренность науки, мне кажется, ученики Аристотеля в Ликее и нарекли философию *метафизикой* (по-греч. *μετα* – значит вне, за, после, сверх) – буквально лежащее «за физикой», к которой тогда сводилось едва ли не все естествознание.

Какие же именно недоказанные универсальные начала рассматривает философия?

Пожалуй, к самым фундаментальным относится понятие *тождества* и *изменения*, установленный для них Зеноном – Аристотелем – Лейбницем *закон тождества*: вещь тождественна сама себе, – а также логически следующий отсюда принцип или *закон непротиворечия*: так как вещь тождественна сама себе, та или не та, то об одном и том же невозможно сразу «и утверждение, и отрицание» (*Аристотель*. Т.1, с.103), нельзя говорить, что вещь и та, и не та сразу и в одном отношении, нечто ей «присуще» и «не присуще» (с.125).

На этом принципе строится вся классическая логика и естествознание.

Сам Аристотель законы тождества и непротиворечия принимает без доказательств, больше того, считает их недоказуемыми, потому что «иначе пришлось бы идти в бесконечность» (с.126), и все же необходимыми, потому что без них никакое суждение невозможно и даже тот, кто вздумал бы их оспаривать, в своем утверждении вынужден был бы им следовать (с.127).

И тем не менее эти недоказанные законы философ объявляет абсолютными. Казалось бы, они, и впрямь, несомненны. Что тут говорить?

Однако в философии есть и обратное положение, наиболее ярко отстаиваемое высокомерным мизантропом Гераклитом и Гегелем: любая вещь изменчива («Все течет!» «*Παυτα ρει*»), поэтому не тождественна себе («Нельзя войти в *ту же* реку»), вещь сразу та и не та, – иначе говоря, противоречива. Это то, что со временем было названо “*диалектикой*” (7.5).

Кто же прав? Как тут обойтись без доказательств? На чем-то ведь должны основываться эти конфликтные позиции?

Поскольку «есть» и «не есть», «быть» и «не быть» относятся к бытию и ничто, Аристотель подозревает истоки этих понятий в бытии, а метафизику или соответствующий ее раздел именуется наукой о бытии «как таковом» (с.126), что впоследствии получит имя *онтологии* (4.2). А частные науки, получается, познают частичные роды бытия: физика – движение, астрономия – звезды и т.д.

Но и эти исходные понятия («концепты») представили не менее загадочными. Что значит «существует»? Тождественно ли бытие нашим *ощущениям* и *мыслям* или отлично от них?

Уже античные философы заметили двусмысленность слова «*бытие*»: 1) то, что есть, вещи; 2) то, что

вещам присуще, когда говорят «Дуб есть дерево», «Дуб зелен». Но как бытие может принадлежать бытию же – вещи?

Однако если бытию самому по себе не может принадлежать свойство, то, значит, его нет, бытие тождественно небытию? (*Аристотель*, т.2, с.582, т.3, с.66).

Но таком случае что такое *небытие* (ничто, то, чего нет)?

Как может *быть* то, чего *нет*? Бытие небытия? А если небытие есть \equiv существует, то, выходит, оно есть бытие и, следовательно, небытия нет?

Но если никакого небытия нет, то не значит ли это, что тогда есть (\equiv существует) все, что угодно, – любая фантазия? И заблуждения невозможны?

И если небытия нет, то откуда же понятия о нем, притом как в обыденном сознании, так и в науке: такие, например, как отрицание, нуль, пустота – вакуум?

Так и эти начала на тысячи лет от Парменида и Аристотеля до Г.Гегеля, Э.Гуссерля, М. Хайдеггера, Ж.П. Сартра погрузили философию в недоумения, упорные раздумья, парадоксы и дискуссии.

Среди несметного разнообразия бытия философию занимают его наиболее общие роды, – *универсалии*, так как они выступают началами самых разных наук: рознь (разделённость, дискретность) и слитность (*континуум*), единое – многое, количество, вещь и ее отношения, покой и движение, причина (ее естественнонаучные синонимы: действие, сила, энергия и т.д.) и самодействие (самостоятельность, изолированность, свобода), непременно и случайность, пространство и время, форма и содержание, материя и дух, объект – субъект, добро – зло, истина – ложь и мн., мн. др.

После Аристотеля эти наиболее общие роды бытия и понятия о них (концепты) (5.3) получили имя *кате-*

горий (по-гречески *χατηγορια* – признак и высказывание о нем). Как раз в этих категориях и их отношениях и заключается единство философии, столь загадочное при ином подходе (1.12).

(Подробнее о категориях и их отношениях см. в специальном исследовании “Связи розей”¹. Гл. 8)

Таким образом, философия оказывается выявлением, исследованием, чисткой и построением наиболее общих категорий бытия, – всякого, как мира, так и человека и их познания, – категорий, служащих недоказанными первоначалами всех частных наук. В этом смысле Аристотель и назвал философию «первой наукой» (т.1, с.103), наукой о началах мира и знания.

Однако каков апломб! Не слишком ли тяжела претензия философии на выяснение первооснов мира?

Конечно, слишком – для *одного* искателя, каким бы сверхумным он ни был. Но реально философские искания идут в усилиях и общении многих умов и поколений.

Результаты исследований исходных категорий и взаимоотношений между ними, их законов (*номий*) ткут ту общую картину мира (миропонимание), которая является какой-то отдельной философией (построением, концепцией и т.д.), а многообразии философий – философией вообще.

По содержанию философия есть некоторый итог философствований, их достижения и методы, но не своды безупречных истин, а *система категорий* в истории их проблем и обсуждений, разных аргументов и разных решений, совокупность философий, богатство, овладение которым и дает философскую культуру.

¹ **Леонард И. Браев. Связи розей.** К системе онтологических категорий. Изд. «Диалог», 2011. ISBN 978-5-9902114-6-9

Однако философская литература необъятна. Философия живет в философствовании, как и всякая наука живет в своих исследованиях. Но не в силах же каждый новичок самолично перечитывать всех их успешных авторов и перепроверять их эксперименты и теории.

Его спасают обзоры и школы.

Для начинающего философия предстает сводами ее результатов и методов; и таких после «Метафизики» Аристотеля создано множество, – всяких: учебных, популярных, критических, – с разными достоинствами и недостатками. Да и едва ли не любая философская монография, даже специальная и для начинающего чересчур сложная, тем не менее тоже содержит в себе экстракт философской истории, потому что так или иначе каждый мыслитель «стоит на плечах» своих предшественников.

Философские своды бывают двух типов:

1) По философским *темам*: категориям и их номиям в их проблемах и дискуссиях.

2) По *авторам* и обстоятельствам их жизни, – так называемая «история философии».

У обоих типов сводов есть свои преимущества и изъяны.

Тематические обзоры абстрагируются от случайных исторических перипетий и повторов, поэтому короче и системнее, зато даже при генетическом рассмотрении дискуссий все же в целом внеисторичны, раздробляют каждого автора и отрывают от исторических условий.

Исторические обзоры цельнее показывают авторские системы и взаимосвязи между ними, зато раздробляют общеполитическую картину мира и не решают задач современности.

Тем не менее оба типа учебников дают общее начальное ознакомление с достигнутым философским знанием, необходимы и достаточны для практического шаблонного применения в каких-то узко технических целях.

Однако обыкновенных учебных обзоров недостаточно для усвоения философии как *метода философствования*, тем самым творческого миропонимания, критики и развития начал науки, идеологии и всей культуры. Исключая отсюда нечастые критические и творческие обзоры, то есть уже и не просто обзоры, а собственное философское развитие.

Невозможно овладеть философией простым заучиванием готовых истин.

Чтобы не просто знать некоторые результаты философии, а обрести философскую культуру, нужно научиться самостоятельно мыслить об этих мировых первоосновах, критически и доказательно, – самому философствовать, извлекать собственные интуиции, а для этого опыт личных философствований, для начала в компании с великими, то есть наиболее оригинальными и глубокими мыслителями прошлого и настоящего, – нашими собеседниками в мысли (на всех, конечно, не хватит жизни), задумчивое чтение этих образцов и учителей, совместные муки в их затруднениях, дискуссиях и счастье озарений.

7.4. Родники категорий

Особенностью философских категорий по самому их отбору (7.3) является их неограниченность: они неопределенно широки. Часто их объявляют даже всеобщими, – “универсалиями”, но, по-моему, это не может быть известно нашему знанию, всегда конечному. Поэтому, как и частные науки, философия тоже не в со-

стоянии доказать эти начала дедуктивно, то есть выводом (дедукцией) из каких-то более широких понятий, поскольку таких более широких неизвестно по определению. Да и вообще, как нам уже ясно, само мышление образуется операциями над понятиями, которые, стало быть, должны ему предшествовать (4.5).

Но философские неограниченные категории не могут произойти также из опыта \equiv восприятия, потому что, как нам известно, понятия об объективности, пространстве, времени, действии и т.п. не сводятся к совокупности чувственных данных восприятия, но сами упорядочивают чувственные данные в восприятии, то есть служат предусловием восприятия; без их предшествующего знания восприятие вещей невозможно (4.5-4.6). И уж тем более для сенсуализма необъяснимо, откуда взялись наши понятия об объектах – заощущаемых вещах, отличных от ощущений (4.2).

Философские положения о связях категорий предстают теми же законами (НОМИЯМИ), хотя отличными от естественнонаучных: они говорят об отношениях не отдельных вещей, а между *категориями* (\equiv наиболее общими «родами бытия»), поэтому они не могут быть столь конкретны, количественно точно и – соответственно – экспериментально выверены, хотя, разумеется, предстают сообразными опыту. Ну, как практически измерить количество «материи вообще» во всем мире? Или сознание? Или сосчитать «количество вообще»? Тем более бесконечность. Или экспериментально проверить причину не конкретного типа явлений, а «причину вообще»?

Как ни странно и неожиданно на первый взгляд, но в этой своей надопытности философские категории подобны математическим: в них тоже не сосчитать «числа вообще», не измерить «треугольник вообще», и тем

не менее это не отменяет точности математики; наоборот, математика – инструмент точности.

Таким образом, для философских начал нет ни дедукции из общего, ни индукции из эмпирии. Вот несчастье-то!

Откуда же тогда берутся в нашей голове эти начальные общие понятия о мире? Почему именно они начальны? Или они рождены “той стороной”, как уверяют спиритуалисты? Или ниоткуда и потому должны быть выброшены в никуда, как призывают позитивисты?

Из выясненного нами ранее, вы, конечно, уже догадались, откуда (4.9, 5.3).

Да, философские категории первоначально существуют в подсознательных колеях, служащих парадигмами наших способов действия, понимания и идеалов. Поэтому-то, когда в поисках истоков знания, мы идем от одного предпонимания к предшествующему, мы в конце концов ошеломленно теряем их в какой-то неопределенной темноте (5.1-5.17). И как раз философия предназначена *выявлять* эти категории из колеянов подсознания, для этого она напряженно прислушивается к их беззвучному голосу, готовит и караулит их озарения и торопится схватить их и удержать словом (7.2).

Там же, в подсознании эти понятательные колеяны вырабатываются нашим бытием – практикой, оттого сообразны бытию и различны у людей разного опыта (5.8, 5.14-16).

Позитивистская же потеря философии (1.6-1.9) навязывается упрощенным представлением процесса познания. Когда познание сводится к разуму или к опыту, дедукции или индукции (4.1-4.2), пусть даже связывается с практикой, но с упущением его практического и необходимого подсознательного предразумного опо-

средования, тогда в нём и не видно место для философии (7.1).

Защищая философию от сциентизма, интуитивисты (4.1) находят единственный ответ – возвеличение непосредственного созерцания – интуиции и недоверие к науке, но тем самым только подрывают доверие к философии.

Как видим, ответ обратный: сама наука в своих начальных общих идеях исходит из интуиции, либо дикой, либо философски осмысленной, где она поднимается к разуму. А иначе, без союза со своей противостью - разумом, интуиция превращается как раз в то, что эти гносеологи отвергают, – в эмпиризм.

Прекрасный образец такого соединения чувственности и разума являют греческая арифметика и геометрия – это логические рассуждения, но в постоянном единстве с наглядными представлениями, даже рисунками и практическими операциями, хотя созерцание отчетливо сознается несовершенным и недоказательным – в отличие от идеала строгости и общности мысли.

7.5. Антиномичность философии

И все же, если тем не менее изначальные философские категории недоступны ни дедуктивному определению, ни, строго говоря, также и индуктивному, то что же здесь может многострадальная философия?

• • • • •

Фрагмент 5:

Оглавление

Предисловие.

- 1. Улавливание философии** 3
1.1. О чем философия? 1.2. Загадочность философии. 1.3. Когда появляется философия? 1.4. Философский разброд. 1.5. Что такое наука? 1.6. Методное и предметное размежевание философии и науки. 1.7. Превращение философии в науку. 1.6. Каков предмет философской науки? 1.9. Несложимость философии. 1.10. Позитивы из языка и логики. 1.11. Вненаучное представление. 1.12. Философский «клад ума» или ракурс? 1.13. Почему философия неуволима?
- 2. Нецелостная сущность науки** 34
2.1. Культ науки. 2.2. Раздорность науки. 2.3. Фантазии в науке. 2.4. Необходимость. 2.5. Критерии науки. 2.6. Демаркация науки и наукообразия.
- 3. Сердце познания** 58
3.1. Парадоксальность познания. 3.2. Сердце выше головы. 3.3. Бесы-интересы в науке. 3.4. Мифоиды. 3.5. Идеология и менталитет. 3.6. Чем создается менталитет? 3.7. Социальность идеологии. 3.8. Избранные и отверженные истиной. 3.9. Есть ли общечеловеческое в менталитете? 3.10. Границы идеологии. 3.11. Иго менталитета. 3.12. Есть ли истина в идеологии?
- 4. Как мы познаем?** 81
4.1. Начало – в разуме? 4.2. Начало – в восприятии? 4.3. В споре опыта и разума. 4.4. Что такое общее в единичном? 4.5. Откуда понятия? 4.6. Откуда предпонимание? 4.7. Почему восприятие целостно? 4.8. Откуда логика? 4.9. Начало – в практике. 4.10. Релятивистское опустошение.
- 5. Как мы осознаем** 102
5.1. Становление восприятия. 5.2. Досознательное знание. 5.3. Подсознательные понятия и узнавание. 5.4. Что за гештальтами. 5.5. Как происходит понимание. 5.6. Действительная

ткань понятий и умений. 5.7. Отсебятина восприятия и мышления. 5.8. Историчность, стратовость и индивидуальность умов. 5.9. Предпонимание в науке. 5.10. Интуиция мышления. 5.11. Речевое мышление. 5.12. Познание необходимости. 5.13. Господин Менталитет. 5.14. Бытийный творец менталитета. 5.15. Понимание – автопортрет мастера. 5.16. Господин Идеал. 5.17. Идеалы над наукой. 5.18. Не отражение.

6. Сквозь общество 144

6.1. Бытийная база семантики. 6.2. Недоразумение, его причины и преодолители. 6.3. Мысль доречевая, речевая и сверхречевая. 6.4. Социальные скрепы идеалов. 6.5. Социальные коллизии идеалов. 6.6. Социальные филиации догматизма. 6.7. Зачем нужна глупость? 6.8. Расщепление интереса истиной. 6.9. Расщепление познавательного интереса в обществе.

7. Философия философии 169

7.1. Выявление подсознания. 7.2. Что такое философствование. 7.3. Что такое философия. 7.4. Родники категорий. 7.5. Антиномичность философии. 7.6. Между искусством и наукой. 7.7. Философикация мировоззрения. 7.8. Структура философии. 7.9. Освободитель ума. 7.10. Время рождения и время умирания философии. 7.11. Разброд к свободе. 7.12. Готовность к философии. 7.13. Практикология философии.

8. Философия и наука 212

8.1. Что нужно науке от философии. 8.2. Обращение философии в методологию. 8.3. Необходимость философии для науки. 8.4. Необходимость науки для философии. 8.5. Над наукой. 8.6. Над философией. 8.7. Союз. 8.8. Философское переваривание науки. 8.9. Философии наук. 8.10. Переступники. 8.11. Может ли быть философия строгой наукой? 8.12. Истина интуиции. 8.13. Философская интерпретация науки.

9. Типология философии 244

9.1. Как не заблудиться в философии? 9.2. Антиномия тождества – различия. 9.3. Диалектика – монолектика – диалектоика. 9.4. Антиномия духа – материи. 9.5. Являются ли бытийная и духовная антиномии основными? 9.6. Фундаментальность бытийной антиномии. 9.7. Происхождение контровер-

зы духа - материи. 9.8. Фундаментальность духовной антитезы. 9.9. Типы идеизма. 9.10. Духовные истоки спиритуализма. 9.11. Духовные истоки субъективного идеизма. 9.12. Первенство онтологии перед спиритологией. 9.13. Антиномия онто- и гносеологий. 9.14. Смещение типологии. 9.15. Эклектика. 9.16. Личная философия. 9.17. Экзистенциальные корни философий.

10. Философия и религия 300

10.1. Различие религии и философии. 10.2. Идеизм и религия. 10.3. Философия и теология. 10.4. Теологические аргументы. 10.5. Бог на авось и бог в сердце. 10.6. Атеизм.

11. Философия и этика. Смысл ценностей. . . 324

11.1. Что такое этика? 11.2. Зачем она нужна? 11.3. Нормативизм. 11.4. Натурализм. 11.5. Уход от общества. 11.6. Возвращение. 11.7. Дикое поле натурализма. 11.8. Его неразрешительность. 11.9. Небесная этика. 11.10. Эмотивизм. 11.11. Кризис теории ценностей. 11.12. Смысл жизни. 11.13. Зарницы нового материализма в аксиологии: *А.* Ценности и нравственность. *Б.* Мораль. *В.* Свобода и прогресс. *Г.* Идеальность истории. *Д.* Познание ценностей. *Е.* Относительный абсолют. *Ж.* К смыслу жизни.

12. Философия и политика 392

12.1. Что такое политика? 12.2. Государство и общество. 12.3. Небесное государство. 12.4. Материя государства. 12.5. Договорное государство. 12.6. Зияния политологии. 12.7. Современные политические антиномии. 12.8. Отчуждение. 12.9. Философское осознание отчуждения. 12.10. Коммунистическая утопия. 12.11. Как преодолеть отчуждение. 12.12. Реальный коммунизм.

13. Незавершимость философии. 437

Избранная литература 444

Оглавление. 446

О приобретении и переиздании **типографских**
книг и статей обращаться по адресу

kokurin@nextmail.ru gazinur@list.ru
newfrost@inbox.ru или libraev@mail.ru

Или в издательства.
